НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

ПУЧИНА СТРАСТЕЙ

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ



НАСЛЕДИЕ

МЕСС МЕН
ЧЕРНАЯ РУКА
ВЕЩЬ
USSR


USSR

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

ПУЧИНА СТРАСТЕЙ



Николай Макарович Олейников Фотография 1931 г.

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ



ББК 84. Р 7
О 53

Вступительные статьи
Л. Я. Гинзбург и А. Н. Олейникова

Составление, подготовка текста
и примечания А. Н. Олейникова

Редактор Л. А. Николаева

Художник Л. А. Яценко

О $\frac{4702010202—417}{083(02)—91}$ 221—90

ISBN 5-265-01284-2

Л. Гинзбург

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

Николай Макарович Олейников примыкал к литературной группе «Обериу» — «Объединение реального искусства» (Заболоцкий, Хармс, Введенский, Бахтерев, Дойвбер Левин, Разумовский, Вагинов), сложившейся в Ленинграде в конце 1920-х годов. Олейников не входил формально в это объединение и никогда не принимал участия в публичных выступлениях обериутов. Но он постоянно с ними общался и, главное, писательски был гораздо ближе к обериутам (особенно к Заболоцкому «Столбцов»), чем, например, участник объединения Вагинов.

На рубеже двадцатых—тридцатых годов я много встречалась с этим необыкновенным человеком. Евгений Шварц в своих воспоминаниях назвал его «демоническим». Вот запись об Олейникове, сделанная мною в марте 1933 года:

«Олейников один из самых умных людей, каких мне случалось видеть. Точность вкуса, изощренное понимание всего, но при этом ум его и поведение как-то иначе устроены, чем у большинства из нас; нет у него староинтеллигентского наследия.

Не знаю, когда и чему он учился. Вот что он мне как-то о себе рассказал. Юношей он ушел из донской казачьей семьи в Красную Армию. В дни наступления белых он, скрываясь, добрался до отчего дома. Но отец собственноручно выдал его белым как отступника. Его избили до полусмерти и бросили в сарай, с тем чтобы утром расстрелять с партией пленных. Но он как-то уполз и на этот раз пробрался в другую станицу, к деду. Дед оказался помягче и спрятал его. При первой возможности он опять ушел на гражданскую войну, в Красную Армию.

Неясно, успел ли он учиться, но знает много, иногда самые неожиданные вещи. В стихах он неоднократно упоминает о занятиях математикой. Бухштаб однажды подошел к Олейникову в читальном зале Публичной библиотеки и успел разглядеть, что перед ним лежат иностранные книги по высшей математике. Олейников быстро задвинул книги и прикрыл тетрадью.

Олейников говорит:

— Не может быть, чтобы я был поэтом в самом деле. Я редко пишу. А все хорошие писатели графоманы. Вероятно — я математик.

Ахматова говорит, что Олейников пишет, как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи [1]. Вкус Анны Андреевны имеет пределом Мандельштама, Пастернака. Обериуты уже за пределом. Она думает, что Олейников — шутка, что вообще так шутят.

Олейников продолжает традицию, в силу которой юмористы подвержены мрачности или меланхолии (Свифт, Гоголь, Салтыков, Зощенко). На днях мы разговаривали долго. Он был мрачен и говорил, что человеку необходимо жениться, потому что это избавляет от ощущения беспросветности существования, свойственного каждому. «Самое страшное — утром просыпаться в комнате одному».

Заговорили о его стихах.

— Это не серьезно. Это вроде того, как я вхожу в комнату, раскланиваюсь и говорю что-нибудь. Это стихи, за которыми можно скрыться. Настоящие стихи раскрывают. Мои стихи — это как ваш «Пинкертон», как исторические повести для юношества.

— Нет, это несоизмеримо. Но я понимаю... Вы хотите сказать — вещи не из внутреннего опыта.

— Есть разные внутренние опыты. Может быть опыт умного и остроумного человека. Человека, который умеет сделать то, что хочет сделать. Это все может пойти в условную вещь. Только это не самый главный внутренний опыт.

Мы говорили еще о том, что непонятно, как писать сейчас прозу. О том, что нас тяготит фиктивность существующих способов изображения человека. Я сказала, что еще Толстой в конце жизни утверждал — уже невозможно описывать, как вымышленный человек подошел к столу, сел на стул и проч., что интересен эксперимент Пруста. Вместо изображения человека — у него изображение размышлений о человеке, то есть реальности, адекватно выражаемой в слове. Слово и есть материя размышления, тогда как по отношению к материи всякого предмета слово есть знак, речевой эквивалент. Прустовская действительность — это комментарий; люди и вещи вводятся по принципу цитат.

---

[1] Антокольский в воспоминаниях о Заболоцком рассказывает следующий эпизод: его жена З. Бажанова, прослушав чтение Заболоцким стихов из «Столбцов», вдруг сказала: «Да это же капитан Лебядкин!» Заболоцкий, «нимало не смутившись», ответил: «Я тоже думал об этом. Но то, что я пишу, это не пародия, это мое зрение». Далее Заболоцкий процитировал первую строфу из стихотворения Лебядкина о таракане (Воспоминания о Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984, с. 199).

Олейников (возвращаясь к теме «не главного внутреннего опыта»):

— Я уже говорил, что вещи, решающие условную задачу, читать не стыдно.

— Ну да, и если там кто-нибудь садится на стул, то отвечает за это не автор, а предшественники автора...»

Здесь кончается запись 1933 года.

Свободный от староинтеллигентских навыков в бытовом общении, в своей жизненной манере, Олейников вовсе не был свободен от культурного наследия; он знал русскую поэзию XIX и XX веков. У его собственной поэзии были источники — Мятлев, Козьма Прутков (Олейников называл себя внуком Козьмы Пруткова, посвящал стихи его памяти), шуточные стихи А. К. Толстого, поэты «Искры» и поэты «Сатирикона» [1].

И одновременно Хлебников. Поэтической практике Олейникова многое в Хлебникове чуждо — его мифологизм, славянская стихия, корнесловие, его утопии и философия истории. Казалось бы, важнейшие слагаемые хлебниковского мира. И все же традиция Хлебникова живет в олейниковском понимании слова, в принципе его словоупотребления.

Этот принцип объединял Олейникова с обериутами. Олейников с его сильным и ясным умом очень хорошо понимал, где кончается бытовой эпатаж обериутов и начинается серьезное писательское дело. В тридцатых годах он как-то сказал мне о Хармсе: «Не расстраивайтесь, Хармс сейчас носит необыкновенный жилет (жилет был красный), потому что у него нет денег на покупку обыкновенного».

Козьма Прутков, Саша Черный и Хлебников — что могло получиться из такого скрещения? Получилась система чрезвычайного единства, принадлежащая поэту, узнаваемому по

---

[1] Вот, например, очень «олейниковские» строки из стихотворения сатириконца П. Потемкина «Влюбленный парикмахер» (1910):

Невтерпеж мне дух жасминный,
Хоть всегда я вижу в нем
Безусловную причину,
Что я в Катеньку влюблен...

...Жду, когда пройдешь ты мимо...
Слезы капают на ус...
Катя, непреодолимо
Я к тебе душой стремлюсь.

любой строчке (узнаваемость вообще неотъемлемое свойство настоящего поэта). Признаки этой системы: умышленный примитивизм, однопланный синтаксис при многопланной семантике, гротескные несовпадения между лексической и стилистической окраской слова и его логическим содержанием. Целостность, но образуемая сложно соотнесенными слагаемыми.

Поэтический язык Олейникова несет разные функции, порождающие разные типы стихотворений.

Есть у него стихи прямо шуточные. «Бюджет развратника», например:

Руп —
На суп.
Трешку —
На картошку.
Пятерку —
На тетерку.
Десятку —
На куропатку.
Сотку —
На водку.
И тысячу рублей —
На удовлетворение страстей.

Олейниковской шутке присуще также то, что Тынянов, применительно к «арзамасскому» и пушкинскому кругу, называл домашней семантикой. Домашняя семантика зарождалась в атмосфере Детгиза, где в редакции прелестных детских журналов «Еж» и «Чиж» работали Олейников, Евгений Шварц, юный Ираклий Андроников; Детгиз постоянно посещали обериуты. Это была атмосфера непрекращающейся блестящей буффонады, розыгрышей, мистификаций. Николай Чуковский вспоминал Детский отдел Госиздата: «Там постоянно шел импровизированный спектакль, который ставили и разыгрывали перед случайными посетителями Шварц, Олейников и Ираклий Андроников» [1]. Разыгрывался этот спектакль и на других площадках. Например, Т. Липавская в воспоминаниях о Заболоцком рассказывает о том, что Забо-

[1] Мы знали Евгения Шварца. Л.—М., 1966, с. 35. О Детгизе этой поры см. также: Рахтанов И. «Еж» и «Чиж». — В его кн.: На широтах времени. М., 1973; Богданович С. То, что запомнилось (Из встреч с Заболоцким). — В кн.: Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984.

лоцкий, Хармс, Олейников и Л. Савельев решили вчетвером организовать по воскресеньям «Клуб малограмотных ученых»[1].

В «домашних» стихах Олейникова (стихи этого типа писали и Шварц, и Заболоцкий) присутствуют постоянно всплывающие персонажи из детгизовского окружения. В первую очередь Шварц, с которым Олейникова до конца его жизни связывала тесная дружба.

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет —
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она.

«Генриетте Давыдовне»

В шуточных «детгизовских» стихах Олейникова намечается уже травестийный метод — игра сменяющимися масками. Есть у Олейникова маска высокопарного обывателя и есть маска резонера — «мудреца-наблюдателя», «служителя науки».

Маски Олейникова — языковые маски. Их образуют разные пласты его лексики. Но в основе этих стилистических вариантов — единый олейниковский язык, какими-то своими существенными признаками восходящий к традиции Хлебникова.

Напомню некоторые характеристики языка Хлебникова. «Детская призма, инфантилизм поэтического слова... — говорит Тынянов. — <...> Детский синтаксис, инфантильные «вот», закрепление мимолетной и необязательной смены словесных рядов — последние обнаженной честностью боролись с той нечестной литературной фразой, которая стала далека от людей и ежеминутности»[2].

В книге о Хлебникове Н. Степанов писал: «Стихи Хлебникова можно сравнить с картинами художников-«примитивистов». Такая же наивная композиция, лишенная перспективы,

---

[1] Липавская Т. Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями. — Там же, с. 52.

[2] Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965, с. 289—290.

условная линейная схема в изображении фигур...» [1] О том же пишет и Берковский в посвященной Хлебникову статье сороковых годов: «Сплошные именительные падежи, устранены косвенные отношения, каждая вещь вставлена в группу отдельно, лицом прямо к зрителю...» [2]

Итак, инфантилизм и примитивизм, линейность, честная обнаженность слова. В какой-то мере эта модель применима к стихам Олейникова, хотя осуществляется она иначе и на другом материале.

У Олейникова короткая фраза, синтаксический примитивизм, словосочетания, которые прикидываются прямолинейными; притом необычайно резкая лексическая, семантическая фактура слова. В его стихах слова тоже «лицом прямо к зрителю». А между тем все не совпадает — содержание с выражением, стилистические уровни с ценностной окраской. Одним из самых активных средств этой бурлескной неадекватности является для Олейникова «галантерейный язык» — в новой своей формации.

Галантерейный язык — это высокий стиль обывательской речи. В среде старого мещанства его порождало подражательное отношение к быту выше расположенных социальных прослоек. В галантерейном языке смешивались слова, заимствованные из светского обихода, из понаслышке освоенной литературы (особенно романтической), со словами профессиональных диалектов приказчиков, парикмахеров, писарей, вообще мелкого чиновничества и армейского офицерства.

Смесь ложноромантической высокопарности и «красивости» с элементами галантерейного языка характерна для вульгарного романтизма 1830-х годов. На этой основе сложилась своеобразная, сокрушающая нормы поэтика самого талантливого его представителя — Бенедиктова.

Олейников обратился к новой, современной формации галантерейного языка, — в другом социальном варианте к ней обращался и Зощенко. Галантерейный язык XIX века и галантерейный язык 1920—1930-х годов — это, конечно, разные исторические явления, но их объединяет некий тип сознания. Это сознание не производит ценности, оно их берет, хватает где попало. Поэтому оно не может понять, что ценности требуют ответственности, что они должны быть гарантированы трудом, страданием, пожертвованием низшим высшему. От-

---

[1] Степанов Н. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М., 1975, с. 90.

[2] Берковский Н. О русской литературе. Л., 1985, с. 369.

сюда непонимание несовместимости разных уровней, разных форм человеческого опыта, воплощенных в слове. Совмещение несовместимого как принцип словоупотребления. Принципиальная стилистическая какофония.

Из стилистической какофонии проступает во всем своем великолепии галантерейный персонаж. Он любит красивое и путает словесные ряды.

Над системой кровеносной,
Разветвленной, словно куст,
Воробьев молниеносней
Пронеслася стая чувств.

...И еще другие чувства,
Этим чувствам имя — страсть!
— Лиза! Деятель искусства!
Разрешите к Вам припасть!

(«Послание артистке одного из театров»)

Кровеносная система, страсть и *деятель искусства,* к которому автор просит разрешения *припасть,* — все это слова не на своем месте.

Анализируя словоупотребление раннего Зощенко, М. О. Чудакова говорит, что его «интересует... слово испорченное, слово-монстр, употребленное не по назначению, не к месту» [1].

У Бенедиктова стилистическая какофония — результат путаницы ценностных представлений — была неосознанной, простодушно-серьезной. У Олейникова она сознательная, умышленная и потому комическая. Это его устойчивая маска.

Эту маску тут же оттесняет другая, — Олейников сам определил ее как образ «мудреца-наблюдателя». Этот персонаж — «служитель науки», натурфилософ, математик. Здесь травестируется исследовательское мышление — абсурд в оболочке научных формулировок.

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких и смешных приспособлениях:
О щипчиках для сахара, о мундштуках для папирос,
Хвала тому, кто предложил печати ставить в удостоверениях,
Кто к чайнику приделал крышечку и нос...
...Хвала тому, кто первый начал называть котов и кошек человеческими именами,

---

[1] Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979, с. 57 и др.

Кто дал жукам названия точильщиков, могильщиков и дровосеков.
Кто ложки чайные украсил буквами и вензелями,
Кто греков разделил на древних и на просто греков.

(«Хвала изобретателям»)

В этих стихах — в гротескной форме — подчеркнуто присутствует хлебниковская традиция. Вещи, освобожденные от «косвенных отношений», стоят «отдельно». Традиция доведена до абсурда сопоставлением синтаксически подобранных формул, уравнивающих вещи, взятые из самых различных, несопоставимых смысловых рядов. Хлебниковская традиция служит здесь пародийной маске «мудреца-наблюдателя».

Зачем нужны эти маски? Они нужны были в той борьбе, которую литературное поколение двадцатых годов вело против еще не изжитого наследия символизма с его потусторонностью и против эстетизма 1910-х годов. Все мы терпеть не могли всяческое эстетство, «красивость», стилизаторство — все это были бранные слова. В начале 1928 года была опубликована («Афиши Дома печати» № 2) декларация обериутов, призывавшая поэтов освободиться от «литературной и обиходной шелухи». У обериутов это хлебниковская установка. По словам Тынянова, «новое зрение Хлебникова... не мирилось с тем, что за плотный и тесный язык литературы не попадает самое главное и интимное, что это главное оттесняется «тарою» литературного языка» [1]. Жажда увидеть мир заново, содрать с него шелуху привычного присуща была в искусстве многим молодым школам. Особенно сильной, понятно, была она у молодых поэтов послереволюционного времени. Новый поэт среди крушения ценностей старых должен все сделать сам и все начать сначала.

Декларация обериутов объявляла задачей воспитанного революцией поэта «очищать предмет от мусора истлевших культур». Для этого нужно было покончить с доставшимися от прошлого смысловыми ореолами слов, с их установившимися поэтическими значениями.

Декларация обериутов предлагала поэту посмотреть «на предмет голыми глазами». У раннего Заболоцкого, у Хармса, у Олейникова возникает подсказанное опытами Хлебникова голое слово, слово без определения. Это попытка освободить слово от ореолов, пустить его в строку голым — пускай само набирает значения, какие может.

Ни одному поэту еще не удавалось — и не удастся —

[1] Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965, с. 292.

в самом деле посмотреть на мир «голыми глазами». Это иллюзия, нередко овладевающая молодыми литературными школами. Поэзия, даже самая новаторская, питается наследием, традицией, хотя бы от нее самой скрытой, бессознательной. Хлебников же вполне сознательно ориентировал свои поэтические ценности на фольклор, на древнерусскую национальную культуру. Но раннему Заболоцкому, обериутам в их писательском самоутверждении нужна была иллюзия первозданности, «голого слова».

В 1910-х годах целеустремленную борьбу с символистическим наследием начали футуристы, многому притом научившиеся у символистов. Но Хлебников, Маяковский были окружены тогда плотной атмосферой русской «новой поэзии» начала века. Поэтому борьба была внутренней, и разыгрывалась она на площадке собственного творчества. Для поколения Заболоцкого, Олейникова символическое наследие было уже фактом внешним, на который можно посмотреть со стороны. С их точки зрения, враждебные значения поэтических слов притаились и в творчестве поэтов послесимволистской поры. В начале тридцатых годов мне случалось разговаривать и спорить на эти темы с Заболоцким. Он отвергал тогда Блока, Пастернака, Мандельштама, Ахматову. В XX веке, утверждал он, по-настоящему был один Хлебников.

О символистах и постсимволистах Олейников говорил примерно то же, только с бо́льшим пылом и раздражением, чем сдержанный, обдумывающий свои речи Николай Алексеевич.

— Они пишут слова, которые ничего не означают, — и, ах! — какие они красивые! — говорил Олейников.

В отличие от большинства пародистов (от Козьмы Пруткова, в частности) Олейников пародировал не определенные произведения, не узнаваемых авторов, но именно «красивость», эстетство и вообще слова, не отвечающие за свое значение.

Отзывы Олейникова сердили меня сначала. Кто-то заметил: «Если ему нравятся его собственные стихи, ему не должны нравиться стихи Мандельштама». Очень верно. Это проблема отбора и отказа — нужного и ненужного для становления поэта. Это и есть признак поэта и литературной школы. Мешает именно тот, кто сейчас (или сравнительно недавно) выражает то, что хочет выразить данный поэт. Иначе к л а с с и к и, — они в другое время выражали другие вещи, иногда очень нужные. И Олейников наизусть читал лермонтовскую «Любовь мертвеца», которая была ему нужна для баллады «Чревоугодие».

Однажды я сказала Олейникову:

— У Заболоцкого появился какой-то холод...

— Ничего, — ответил Олейников как-то особенно серьезно, — он имеет право пройти через это. Пушкин был холоден, когда писал «Бориса Годунова». Заболоцкий под влиянием «Бориса Годунова».

Определять развитие близкого Олейникову Заболоцкого должен был Пушкин, — никак не поэты XX века (кроме Хлебникова).

Социальные адресаты насмешки Олейникова скрещивались с адресатами литературными. Издевательское словоупотребление Олейникова, его образы, выпадающие из своих стилистических рядов, его искривленные языковые маски (среди них маска вульгарного эстета) — все это реализация борьбы с системой бутафорских значений, литературной «тары» для уже несуществующих ценностей. Олейников хотел окончательно забить вход в мир символизма, еще живший в своих производных. Для этого особенно пригодился галантерейный язык.

Но поэтическая система Олейникова сложна и не замкнута его масками. Олейников — настоящий поэт, и за масками мелькает, то проступая, то исчезая, лицо поэта. Речь, конечно, идет не об эмпирическом, биографическом авторе, но о литературном образе поэта — субъекте данной поэтической речи. Почему этот поэт заслоняется бурлескными личинами, почему говорит не на своем языке? Этот вопрос не решается до конца на уровне литературных пародий и социальной сатиры. Это вопрос о типе исторического сознания.

Олейников сформировался в двадцатые годы, когда существовал (наряду с другими) тип застенчивого человека, боявшегося возвышенной фразеологии, и официальной, и пережиточно-интеллигентской. Олейников был выразителем этого сознания. Люди этого склада чувствовали неадекватность больших ценностей и больших слов, не оплаченных по строгому социальному и нравственному счету. Они пользовались шуткой, иронией как защитным покровом мысли и чувства. И только из толщи шуток высвобождалось и пробивалось наружу то подлинное, что они хотели сказать о жизни. На высокое в его прямом, не контролируемом смехом выражении был наложен запрет.

Но у поэта есть свой язык, существующий наряду с языками его масок. В стихах Олейникова совершается как бы непрестанное движение от чужих голосов к голосу поэта и обратно. Поэтому язык Олейникова выворачивает наизнан-

ку не только сознание его бурлескных персонажей, но в какой-то мере и сознание самого поэта. Он в какой-то мере берет на себя ответственность за своих героев.

Сквозь маски Олейникова просвечивало и саморазоблачение и самоутверждение поэта. Самоутверждение в неотторгаемых от поэзии ценностях, — скрытых толщей шутки, — в лирическом и трагическом восприятии мира. Об этом уже говорили люди, хорошо знавшие Олейникова и его творчество. Николай Чуковский писал: «Чем ближе подходило дело к середине тридцатых годов, тем печальнее и трагичнее становился юмор Олейникова». И. Бехтерев и А. Разумовский пишут в статье «О Николае Олейникове»: «...За шуткой чувствуется лирическая взволнованность, душевная сила подлинного поэта».[1]

Между голосами масок и голосом поэта граница порой размыта. Серьезное, подлинное мерцает на грани смешного. Серьезное поэтому тоже как бы взято под сомнение. Порою трудно уловить, зафиксировать эти переходы.

От экстаза я болею,
Сновидения имею,
Ничего не пью, не ем
И худею вместе с тем.

Вижу смерти приближенье,
Вижу мрак со всех сторон
И предсмертное круженье
Насекомых и ворон.

«Шуре Любарской»

Это две соседние строфы стихотворения. Первая из них — откровенная буффонада. Во второй строфе уже движение между буффонадой (постоянная у Олейникова тема насекомых) и подлинным разговором о смерти.

В стихотворении «Ольге Михайловне» среди гротескного текста возникают лирические строки, которые как будто хотят и не могут до конца освободиться от буффонады:

Так в роще куст стоит, наполненный движеньем.
В нем чижик водку пьет, забывши стыд.
В нем бабочка, закрыв глаза, поет в самозабвеньи,
И все стремится и летит.

И я хотел бы стать таким навек,
Но я не куст, а человек.

[1] День поэзии. Л., 1964, с. 159.

На голове моей орлы гнезда не вили,
Кукушка не предсказывала лет...
Люби меня, как все любили,
За то, что гений я, а не клеврет!

Здесь удивительное переплетение и взаимодействие разных ценностных уровней, скрещение травестированного с настоящим. Куст, «наполненный движеньем», вокруг которого «все стремится и летит», — в самом деле прекрасен. И начинает казаться, что поэт в самом деле хочет, чтобы его любили, но не смеет об этом сказать другими, нетравестированными словами.

Те же соотношения в заключительной строфе стихотворения «Служение науке»:

Зовут меня на новые великие дела
Лесной травы разнообразные тела.
В траве жуки проводят время в занимательной беседе.
Спешит кузнечик на своем велосипеде.
Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка.
Бежит... Бежит... Я вижу резвость эту, и меня берет тоска,
Мне тяжко!

Строфа вышла из буффонады, и многое в ней (в частности, несерьезное слово «резвость») тянет туда обратно. Но лесные травы и жуки живут своей странной, инфантильной жизнью хлебниковского примитива. Но прорывается прекрасный стих:

Запутавшись в строении цветка...

Он борется с гротескным контекстом — с тем чтобы настроить его лирически. И читателю уже мерещится, что «Мне тяжко!», что «тоска» — это лирическое высказывание.

Стихотворение «Скрипит диванчик...» (озаглавлено «Любовь») — кульминация галантерейного языка и соответствующих представлений о любви («Ушел походкой / В сияньи дня...»). Последние его строфы:

Вчера так крепко
Я вас любил,
Порвалась цепка,
Я вас забыл.

Любовь такая
Не для меня.

Она святая
Должна быть, да!

Опять все двоится. Может быть, это гротескная гримаса. а может быть, в самом деле, это о высокой любви. Ведь олейниковский поэт не мог бы произнести словосочетание «святая любовь» — прямо, не погрузив его в защитную среду буффонады.

У Олейникова есть стихотворение «Посвящение»:

Ниточка, иголочка,
Булавочка, утюг...
Ты моя двуколочка,
А я твой битюг.

Ты моя колясочка,
Розовый букет,
У тебя есть крылышки,
У меня их нет...

Непредсказуемый подбор вещей, становящихся атрибутами женского начала, — им противополагается *битюг. Двуколочка, колясочка* — метафоры нежности, колеблющиеся на острие шутки. Так возникает олейниковская лиричность, избавленная от традиционной лирической «тары».

Предвижу, что со мной могут не согласиться. Существует восприятие Олейникова как поэта только комического, пародийного, осмеивающего обывательскую эстетику с ее «красивостью» и лексическим сумбуром. Все это несомненно присутствует у Олейникова, но все включено в сложную систему смысловой двупланности, целомудренно маскирующей чувство. О двупланности поэзии 1820-х годов Тынянов писал, что ей свойственно «за стиховым смыслом прятать или вторично обнаруживать еще и другой» [1].

Именно так поэт сам понимал свои стихи.

Я сказала как-то Олейникову:

— Я люблю ваши стихи больше стихов Заболоцкого... Вы расшиблись в лепешку ради того, чтобы зазвучало какое-то слово... А он не расшибся.

Он ответил:

— Я только для того и пишу, чтобы оно зазвучало.

Это свидетельство — ключ к самым значительным стихотворениям Олейникова, выступающим из ряда блистательных домашних шуток.

---

[1] Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 73.

Одно из таких стихотворений — «Чревоугодие». В нем представлены оба словесных начала Олейникова — слово, умышленно скомпрометированное, и слово, наконец-то зазвучавшее. «Чревоугодие» имитирует балладное построение, интонацию. Но это поверхностный аспект. В 1930-х годах пародировать балладный жанр было бы бесцельно и совсем несвоевременно. Суть же стихотворения в скрещении разных пластов поэтического языка Олейникова.

Олейников убежден в том, что предшествующая поэзия не способна больше выражать современное сознание. Это у него общеобериутское. Но Заболоцкий, Хармс связаны с хлебниковской системой ценностей природы и познания и через Хлебникова с прошлым. Олейников пошел дальше. Он начинает с уничтожения наследственных сокровищ. Для того чтобы расчистить дорогу новому слову, ему нужно умертвить старые. Этому служат его языковые маски. Прежде всего маска пошляка, галантерейного человека, потому что язык подложных ценностей — самый разрушительный для любых ценностей, к которым он прикасается.

Однажды, однажды
Я вас увидал.
Увидевши дважды,
Я вас обнимал.

А в сотую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил...

Это первые строфы «Чревоугодия». Синтаксис их подчеркнуто примитивен, семантика обманчиво линейная. На самом деле она игровая, искривленная. *Дважды, пыл, откровенно, заявил* — все это слова, перемещенные из разных смысловых рядов, «слова не к месту».

Дальше развертываются характерные для баллады темы любви и смерти. К ним присоединяется тема голода, столь актуальная для людей, прошедших сквозь годы гражданской войны. Но традиционное выражение этих тем скомпрометировано словами то «грубыми» (*масло, мясо, квас, горох с ветчиной, кухня, котлеты*), то галантерейными.

В качестве языка любви галантерейный язык выражает сознание людей, уверенных в том, что на месте ценности — мерзость, но что в хорошем обществе о мерзости говорят так, как если бы на ее месте была ценность.

От мяса и кваса
Исполнен огня,
Любить буду нежно,
Красиво, прилежно...
Кормите меня!

Грубые и «красивые» строки почти правильно чередуются. А слово *прилежно,* не принадлежа ни к одному из обоих рядов, служит верным признаком галантерейной какофонии, безответственного совмещения несовместимых категорий оценки — *заявил, увидевши, обнимал, страсть, вяну,* дурацкое в своей серьезности слово *пища.* Тема голода оборачивается вдруг неудовлетворенным обывательским желанием «покушать».

И снова котлета.
Я снова любил.

Галантерейно мыслящий человек-персонаж проговорился — обнаружил свое истинное отношение к любви.

В «Чревоугодии» травестируется традиционное тематическое сочетание любви и смерти. Тема смерти была Олейниковым продумана. Он говорил: «Я видел несколько раз во сне, что я умираю. Пока смерть приближается, это очень страшно. Но когда кровь начинает вытекать из жил, совсем не страшно и умирать легко.

И признак жизни уходил из вен и из аорт.
(Из стихотворения А. Введенского)» [1].

Смерть героя предстает в скрещении романтического ужаса с мрачной буффонадой.

Дрожу оттого я,
Что начал я гнить,
Но хочется вдвое
Мне кушать и пить.

Мертвец по ходу баллады становится все галантерейнее, он требует «красивых конфет», лимонада. Бурлескное преломление лермонтовского:

Я перенес земные страсти
Туда с собой.

[1] Запись Л. Липавского (Савельева). См.: Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984, с. 55.

И вдруг смешное кончается и начинается тоска:

Но нет мне ответа —
Скрипит лишь доска,
И в сердце поэта
Вползает тоска.

Это настоящая тоска, и принадлежит она настоящему поэту. Но это уже не та тоска и не тот поэт, какие завещаны нам поэтической традицией.

Язык Олейникова поражает разные цели — от обывателя до символистов (по мнению Олейникова, их объединяет пристрастие к фразеологии красивой и ничего не значащей). Но поэту, говорящему на этом я з ы к е , — как всякому настоящему поэту — нужны высокие слова, отражающие его томление по истинным ценностям. Как ему добыть новое высокое слово? Он их не придумывает, он берет вечные слова: *поэт, смерть, тоска* (они легче воспламеняются) — и впускает их в галантерейную словесную гущу. И там они означают то, чего никогда не означали. В них перерезаны связи. Слово *поэт,* уцелевшее в подобном контексте, не может означать того поэта, какой был у Державина, у Пушкина, у Веневитинова, у Фета, у Блока, у Маяковского. Тем не менее он поэт — человек страдающий и стихами говорящий о любви, о голоде и смерти. Повернутое через множество слов с отрицательным знаком ценности, оно, общепоэтическое слово, удержало эмоциональный ореол, но отдало свои наследственные смыслы. Так получается новый языковый знак для обозначения поэта другого качества.

Традиционные поэтические темы любви и смерти скомпрометированы словами то «грубыми», то галантерейными. По законам иронии, иронии в ее современном ракурсе, сквозь эти гротескные словесные массы пробивается высокое значение вечных тем. Но прежде чем зазвучать, они должны еще пройти сквозь кривое зеркало галантерейного языка с его смысловой какофонией, неизбежной, потому что носитель этого языка не знает о том, что порождение ценностей исполнено противоречий, усилий, самоограничения. Галантерейное растление слов предназначено предохранить непрочную эмоцию современного поэта от гибельного стереотипа подложных ценностей в «красивой оболочке».

Это я и имела в виду, когда сказала Олейникову, что он «расшибся в лепешку» ради того, чтобы «зазвучало какое-то слово»...

«Чревоугодие» имеет подзаголовок «баллада». Такой же

подзаголовок присвоен и стихотворению «Перемена фамилии». В нем та же двупланность, и комическое причудливо дублируется серьезным. Своим синтаксическим строем стихотворение напоминает экспериментальный примитивизм некоторых вещей Хлебникова. Инфантильно построенными фразами рассказывается о том, как герой, внеся в контору «Известий» восемнадцать рублей, переменил имя и фамилию:

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Ннкандром,
За это я деньги плачу.

А дальше на том же бурлескном языке речь идет о потере собственной личности, о раздвоении сознания. Герой видит в зеркале чужое лицо, «лицо негодяя», его окружают отчужденные, враждебные вещи.

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознанье мое разрывалось,
И мне не хотелося жить.

Герой кончает самоубийством:

Орлова не стало, Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас!

Стихотворение до конца сохраняет пародийную оболочку. Но очевидно — смысл его не в том, чтобы пародировать уже малоактуальный балладный жанр, но чтобы сказать о страхе человека перед ускользающей от него двоящейся личностью, — старая тема двойника, воплощения затаившегося в личности зла.

В большом стихотворении, героиней которого является блоха мадам Петрова, разные языки Олейникова, разные его обличия переплетаются и неуследимо переходят друг в друга. Стихотворение адресовано приятелю, человеку из мира детской литературы начала тридцатых годов, особого мира со своими правилами игры. Соответственно начало стихотворения — шуточная «домашняя семантика»:

Так зачем же ты, несчастный,
В океан страстей попал,
Из-за Шурочки прекрасной
Быть собою перестал?!

Дальше возникает хлебниковско-обериутская тема насекомых:

...Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.

Так в текст просочился галантерейный язык. Галантерейный язык разворачивается и строит сразу после этих строк возникающую тему влюбленной блохи Петровой:

И глаза ее блестели.
И рука ее звала,
И близка к заветной цели
Эта дамочка была.

Она юбки надевала
Из тончайшего пике,
И стихи она писала
На блошином языке...

Блоха Петрова — галантерейное существо с его миропониманием, его эстетикой и искривленными представлениями о жизненных ценностях. Но убогое сознание переживает свою убогую драму. «Прославленный милашка» затоптал блоху Петрову «ногами в грязь».

И теперь ей все постыло —
И наряды, и белье,
И под лозунгом «могила»
Догорает жизнь ее.

Значение слов двоится, буффонада становится печальной. В этом можно было бы усомниться, если бы не непосредственно следующие строки; в них маска сдвигается, появляется от себя говорящий автор, поэт. Эти строки ретроспективно перестраивают смысл повествования о блохе Петровой:

...Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует у ю т , —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут...

...Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыба бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Блоха мадам Петрова включается, таким образом, в ряд беззащитных, беспомощных существ. Они гибнут от руки человека, и в то же время они сами травести человека, обреченного гибели.

Дико прыгает букашка
С беспредельной высоты,
Разбивает лоб бедняжка...
Разобьешь его и ты!

Что это — пародия на лермонтовский перевод из Гете: «Подожди немного. / Отдохнешь и ты»? Но пародия на Гете и Лермонтова не имела бы исторического смысла. Скорее, это реминисценция, возвращающая травестированный образам их человеческое значение.

Беззащитное существо, растоптанное жестокой силой, — это мотив у Олейникова повторяющийся. Герой стихотворения «Карась» построен по тому же принципу, что блоха мадам Петрова, — то же чередование животных и человеческих атрибутов. Вплоть до авторского обращения к карасю на «вы»:

Жареная рыбка,
Дорогой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Так же как блоха Петрова, карась возникает из толщи галантерейного языка, несущего убогие представления о жизни. Карася обожали «карасихи-дамочки». Однажды ему встретилась «В блеске перламутра / Дивная мадам». Потерпев любовную неудачу, герой ищет смерти и бросается в сеть. И тут начинается рассказ о жестокости — карася отправляют на сковороду:

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки.

Бытовая лексика рассказа о жестокости ведет за собой неожиданную фольклорную интонацию:

Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

...Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любу «корюшкою»
Он не назовет.

Фольклорная интонация несет в себе лиричность. Но это лиричность олейниковская — двоящаяся, дублированная бурлеском, — карась, смотрящий на часики, «корюшка» в качестве слова любви...

Еще явственнее мотивы жестокости и беззащитности в стихотворении «Таракан». Ему предпослан эпиграф: «Таракан попался в стакан (Достоевский)». Привожу эпиграф в том виде, в каком он дан в публикации «Таракана» сыном поэта А. Н. Олейниковым («День поэзии», Л., 1966). Но и при чтении — «Таракан попал в стакан» — оказывается, что такой строки у Достоевского нет.

У Достоевского:

А потом попал в стакан,
Полный мухоедства...[1]

Олейникову не нужна была точность цитаты; ему нужно было установить связь между гротескным обличием своей поэзии и гротеском Достоевского. В «Таракане» опять двоящийся животно-человеческий образ, с помощью которого Олейников рассказывает о насилии над беззащитным. Рассказывает на олейниковском языке, потому что не умеет, не хочет пользоваться традиционными наречиями поэзии, по его убеждению уже потерявшими способность означать.

Коллизия жестокости и беспомощности заострена все больше нагнетаемой гиперболичностью, — на маленького таракана направлены огромные, многообразные орудия пытки и убийства. Таракан сидит в стакане и ждет казни.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

К таракану подходит палач, который «Громко ржет и зубы скалит».

---

[1] Для этого стихотворения капитана Лебядкина Достоевский, как известно, использовал начало и конец стихотворения Мятлева «Фантастическая высказка».

«Таракан» Олейникова вызывает неожиданную ассоциацию с рассказом Кафки «Превращение». Это повествование о мучениях и смерти человека, превратившегося вдруг в огромное насекомое (некоторые интерпретаторы считают, что это именно таракан). Совпадают даже некоторые сюжетные детали. У Кафки труп умершего героя служанка выбрасывает на свалку, у Олейникова —

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнет...

Скорее всего, это непроизвольное сближение двух замыслов, потому что в те времена Кафка не был еще у нас известен и Олейников едва ли его читал. Между тем историческое подобие между Олейниковым и старшим его современником несомненно существует.

Классическая трагедия и трагедия последующих веков предполагала трагическую вину героя или трагическую ответственность за свободно выбираемую судьбу. XX век принес новую трактовку трагического, с особой последовательностью разработанную Кафкой. Это трагедия посредственного человека, бездумного, безвольного («Процесс», «Превращение»), которого тащит и перемалывает жестокая сила.

Это коллизия и животно-человеческих персонажей Олейникова: блохи Петровой, карася, таракана, теленка, который плачет «под кинжалом мясника». Сквозь искривленные маски, буффонаду, галантерейный язык с его духовным убожеством пробивалось очищенное от «тары» слово о любви и смерти, о жалости и жестокости.

Олейников — сам человек трагического мироощущения и трагической участи. Он был осужден и погиб. О своем настоящем поэтическом слове он сказал:

— Я только для того и пишу, чтобы оно зазвучало...

А. Олейников

ПОЭТ И ЕГО ВРЕМЯ

Приближается столетие со дня рождения Николая Макаровича Олейникова (1898—1937). Художник оригинальный и яркий, сатирик и обличитель, философ и лирик, он сказал свое слово в русской поэзии и оставил заметный след во многих других литературных жанрах. В последние годы стихи Николая Олейникова стали появляться в печати. Но значительная часть его творческого наследия продолжает оставаться неопубликованной или полузабытой. Поэт и киносценарист, журналист и редактор, он был создателем иронических гротесков и уничтожающих эпиграмм, мастером документального рассказа и сказочного повествования, автором лирических стихов и исследований в области высшей математики.

Стихи Николая Олейникова то проникнуты иронией, то полны беззаботного юмора, то нарочито застольны. Иногда они, казалось бы, пародируют современных или классических поэтов. Но это отнюдь не пародия в привычном ее назначении, а лишь замаскированное средство, дающее возможность рассмотреть через увеличительное стекло иронии не видимые невооруженным глазом детали нашего существования.

Характерные для стихов Н. Олейникова лиричность и простота, весомость слова, сочетание кажущегося распада формы с четкой, часто очень сложной архитектурой ритма и звука, верность традициям народной поэзии, насыщенность аналогиями, параллелями и ассоциативными связями — невольно создают настроение, заставляющее задуматься над смыслом обыденных вещей, когда примелькавшиеся явления и простые предметы — перо, чернильница, кузнечик — предстают в необычном освещении и внешне веселое повествование о них может неожиданно обрести неподдельно трагическое звучание.

Он создал в поэзии свой собственный неповторимый стиль. Рядясь в различные личины, создавая калейдоскоп гротескных образов, то облачаясь в мещанскую серьезность, то выступая против самой сущности всего, что может иметь право называться серьезным, подчеркивая мнимую незначимость своих высказываний соотнесением их с сиюминутными ситуациями и случайными адресатами, приравнивая к ни-

чтожной «нетипичной конкретности» проявления объективных законов существования, дерзко вплавляя строки классиков в неподобающие контексты, отрицая, осуждая и разрушая системы сомнительных ценностей и оставаясь при всем этом глубоко лиричным, Олейников сумел отразить сплетение перипетий своей эпохи и взглянуть критически на непреходящие человеческие коллизии.

Уходят в прошлое реалии минувшего времени, тускнеет, а порой и бесследно теряется память о некогда ходивших по Земле людях, — и по мере этого все явственнее выступает еще одна, покуда не всеми увиденная, сторона поэзии Олейникова — ее философская направленность. Отдаляясь от дат, мест и личностей, поэтические фигуры обретают значения логических формул, свойства быта становятся общими символами, вещи — идеями, события — формами движения. С годами все ярче высвечивается этот глубинный пласт содержания стихов Н. Олейникова и позволяет открывать все новые и новые их прочтения.

Николай Олейников родился 23 июля 1898 года (дата рождения, указанная Н. Олейниковым в его последней, предсмертной анкете) [1] в станице Каменской области Войска Донского (ныне — Ростовская область) [2].

Удачно расположенная на обширной равнине, известной с древнейших времен под названием Дикого Поля, станица Каменская всегда играла заметную роль в жизни края. С 1802 года она была административным центром Донецкого округа. Планировку станицы в соответствии с указаниями войскового атамана М. П. Платова выполнил известный архитектор де Волан. Через Каменскую издавна проходил почтовый тракт Москва — Новочеркасск, железные дороги связывали ее с Воронежем, Ростовом и Поволжьем. Еще в пятидесятые годы прошлого столетия в окрестностях станицы была начата добыча угля. Рынок станицы ежегодно постав-

---

[1] В КЛЭ приведена дата: «август 1898 г.», в справочнике «Писатели Ленинграда» (Л., 1982) — «16.XI.1895».

[2] Постановлением ВЦИК 28 марта 1927 года станица была переименована в город Каменск Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края. С 9 августа 1929 года постановлением Президиума ЦИК СССР городу было дано его нынешнее название — Каменск-Шахтинский.

лял для продажи за рубеж до пятнадцати миллионов пудов хлеба.

В силу этих обстоятельств в конце минувшего столетия Каменская превратилась в достаточно крупный населенный пункт. Изданные в 1919 году «Очерки географии Всевеликого Войска Донского» справедливо утверждали, что «Каменская станица сходна более <...> с фабрично-торговыми городками внутренней России, чем со станицами».

Здесь, на берегу Северского Донца, в патриархальной семье потомственного казака провел поэт начало своей жизни.

Детские и юношеские годы сложились трудно. Хотел стать естествоиспытателем. Писал стихи. Но обстоятельства складывались неблагоприятно, и удалось окончить только четырехклассное Донецкое окружное училище. Здание этого учебного заведения по сей день сохранилось в Каменске.

Один из сверстников и соучеников Олейникова по училищу, И. П. Преловский, рассказывал: «Николай учился прилежно, с большим старанием и усердием. Особенно любил уроки литературы. <...> Учитель всегда ставил в пример его сочинения...» [1]

После окончания Донецкого окружного и нескольких лет учебы в реальном училище Н. Олейников поступает в 1916 году в Каменскую учительскую семинарию. Пишет стихи и прозу, серьезно занимается изучением литературы и математики.

Когда на Дон пришла весть об октябрьском перевороте, командование Войскового казачьего круга, во главе которого стоял генерал-лейтенант А. М. Каледин, отказалось признать созданный в Петрограде Совет Народных Комиссаров. В станицу Каменскую и другие промышленные центры края были введены войска.

В эти дни Николай Олейников вошел в контакт с большевистской группой, проводившей агитацию среди солдат и казаков, и в декабре 1917 года стал красногвардейцем Каменского революционного партизанского отряда.

Десятого января 1918 года в здании бывшей Каменской церковно-приходской школы собрался съезд фронтового казачества, заседание которого красочно описано М. Шолоховым во второй книге «Тихого Дона».

Съезд создал Военно-революционный комитет и вручил генералу Каледину ультиматум с требованием передать всю власть в области Войска Донского в руки Ревкома.

---

[1] Шумов В. Художник яркого дарования. — «Дон», 1979, № 6, с. 148.

Не приняв ультиматум, Войсковое правительство обрушило на Каменскую удар офицерского отряда, который после ожесточенного боя овладел станицей. Начались аресты. В числе казаков, содействовавших большевикам, контрразведка арестовала Николая Олейникова.

Но на помощь революционному казачеству уже шли красногвардейские отряды из Центральной России, и через несколько дней Каменская была освобождена.

Казачьи полки один за другим переходили на сторону Военно-революционного комитета. Ушла на Кубань белогвардейская Добровольческая армия генерала Л. Г. Корнилова. Войсковое правительство потерпело поражение. В крае была провозглашена Донская Советская республика.

В эти недели на Дону сложилась невообразимо трудная обстановка. На восток непрестанно текли толпы голодных солдат, демобилизованных из царской армии. В том же направлении уходили с Украины теснимые немцами красногвардейские части. Вкрест этих потоков двигались на север другие красногвардейские отряды, только что завершившие военные действия против остатков армии Каледина. Подняли голову анархисты. Грабежи, насилия, убийства. Начавшаяся к тому же непродуманная экспроприация казачьих земель в пользу пришлых крестьян и ремесленников переполнила меру страданий коренного населения. Значительная часть казачества восстала.

В марте 1918 года в здании бывшего Дворянского клуба (сейчас здесь помещается Дом пионеров) Каменский штаб формирований открыл запись добровольцев в народную армию, призванную спасти завоевания революционной власти.

С желающими вступить в новую армию беседовали, выдавали им обмундирование, оружие и предлагали подписать стандартный текст следующего содержания:

«Я, доброволец такой-то, обязуюсь служить шесть месяцев, защищать Советскую власть не щадя своей жизни и охранять таковую, поддерживая и соблюдая дисциплину, обещаюсь служить добровольно, в чем и подписуюсь» [1].

Вместе с несколькими сотнями молодых бойцов получил винтовку слушатель учительской семинарии Николай Олейников.

Контрреволюция быстро восстанавливала силы. Восставшие казаки объединились в Донскую армию, которую возглавил генерал П. Н. Краснов. Вернулась на Дон Добровольче-

---

[1] Шумов В. Каменск на Донце Северском. Ростовское книжное изд-во, 1967, с. 33.

ская армия, во главе которой стал генерал А. И. Деникин, заместивший убитого в бою под Екатеринодаром Л. Г. Корнилова. Командование Краснова вступило в переговоры с германскими войсками, наступавшими с Украины.

Настали дни боевого крещения каменских волонтеров. В конце апреля воинские части казаков из станиц Леганской, Митякинской и Гундоровской начали штурм Каменской. Положив многие жизни, каменцы остановили противника и дважды отбрасывали его от своей станицы. А тем временем, не оставив ни единого штыка в поддержку сражающимся, по проходящей через Каменскую железной дороге один за другим спешили в сторону Царицына эшелоны 5-й Красной Армии под командованием К. Е. Ворошилова.

Третьего мая к станице подошли германские войска. После шестичасовой артиллерийской подготовки они двинулись в наступление, но были смяты контратакой каменцев. И только через два дня, подтянув к станице три бронепоезда и свежие подразделения, немецкие и белоказачьи части начали новый штурм. Силы были несоизмеримы, и каменские красногвардейцы получили приказ отступить.

На Пасху, в Светлое Воскресение, немецкие и белые войска ворвались в станицу. Начались бесчеловечные погромы. По-видимому, к этим дням относятся драматические события, о которых Олейников рассказывал Л. Я. Гинзбург.

Н. Олейников был снова арестован, но ему удалось бежать, и некоторое время он скрывался у деда на хуторе Новоселовском...

Трудно сейчас проследить боевые дороги Николая Олейникова. В анкетах отсутствуют сведения о его службе в народной армии. Со слов поэта известно, что в военную страду он не оставлял литературной работы. Известно также, что в декабре 1919 года он был зачислен в 1-й ружейно-пулеметный парк 23-й стрелковой дивизии Красной Армии.

31 декабря 1919 года станица Каменская была окончательно освобождена частями 9-й Красной Армии. В начале 1920 года Н. Олейников возвращается в Каменскую, вступает в Российскую коммунистическую партию (большевиков). И когда Каменский райком РКП (б) принимает решение издавать газету «Красный казак», Николая Олейникова назначают в состав ее редколлегии.

Первый номер этого периодического издания, которое именовалось «стенной газетой Каменского отделения УКРОСТА», вышел 26 апреля 1920 года. Газета печаталась на оберточной бумаге тиражом всего 600 экземпляров, но количество ее читателей исчислялось многими тысячами. Свежие

номера «Красного казака» расклеивались на стенах зданий и рекламных тумбах в самых многолюдных местах. Броская, лаконичная форма подачи материала невольно привлекала внимание, и замедливший шаги прохожий на ходу получал обильную информацию о жизни Дона и всей страны: сводки с фронтов гражданской войны, сведения о международных событиях, сообщения о мирном строительстве на территориях, свободных от боевых действий, партийные директивы, постановления местных органов власти... Многие из этих материалов были сделаны рукой Н. Олейникова.

Одновременно Николай Олейников становится слушателем трехлетних учительских курсов, которые были созданы в Каменской взамен учительской семинарии.

В 1921 году Олейников едет в Ростов и поступает в педагогический техникум. Однако студенческая жизнь и на этот раз продлилась недолго. Вскоре Олейникова приглашают на работу в газету «Всероссийская кочегарка». Он переезжает в город Бахмут (ныне — Артемовск), который был тогда центром Донецкой губернии, и становится ответственным секретарем редакции.

Бахмутский период творческой биографии Н. Олейникова стал временем прочного становления его как журналиста, редактора и организатора творческих коллективов.

Олейников добился разрешения на открытие в Бахмуте литературно-художественного журнала «Забой». Но начало работы над новым изданием по разным причинам откладывалось. Одно из затруднений состояло в том, что губисполком колебался в выборе кандидатуры редактора журнала из числа местных писателей. Неожиданным поворотным моментом явилось появление в Бахмуте молодого петроградского литератора Михаила Слонимского и его друга, в те времена — актера, Евгения Шварца. Это было весной 1923 года.

М. Л. Слонимский так рассказывает об этом событии:

«Через несколько дней я отправился в Бахмут [1] <...>, чтобы завязать связь с местными литераторами. <...> В редакции газеты «Кочегарка» за секретарским столом сидел молодой, белокурый, чуть скуластый человек. Он выслушал мои объяснения молча, вежливо, солидно, только глаза его светились как-то загадочно.

---

[1] М. Слонимский и Е. Шварц гостили в двенадцати верстах от города на одном из соляных рудников, где работал врачом отец Шварца.

— Прошу вас подождать.

И он удалился в кабинет редактора, после чего началась фантастика. Из кабинета выбежал, нет, стремительно выкатился маленький, круглый человек в распахнутой на груди рубахе и чесучовых широких штанах.

— Здравствуйте, здравствуйте, очень рад, — заговорил он, схватив меня за обе руки. <...> — Простите меня, — торопливо говорил он на ходу, ведя меня к себе в кабинет. — Я не специалист, только что назначен. Но мы пойдем на любые условия (при этом он усадил меня на диван и уселся рядом) — на любые условия, только согласитесь быть редактором нашего журнала. Я так рад, я так счастлив, что вы зашли к нам! Договор можно заключить немедленно, сейчас же! Пожалуйста! Я вас очень прошу!

Я был так ошеломлен, что не мог и слова вымолвить, только старался, чтобы лицо мое не выдало моей величайшей растерянности. Белокурый секретарь стоял возле недвижный, безгласный, но глаза его веселились вовсю. Я ничего не понимал. Простодушного редактора никак нельзя было заподозрить в подвохе, в шутке, в розыгрыше. Он продолжал говорить быстро и убеждающе:

— Вы только организуйте, поставьте нам журнал! Ведь вы из Петрограда! Ах, вы с товарищем? Пожалуйста! Мы приглашаем и товарища Шварца. Товарищ Олейников, — обратился он к белокурому секретарю со смеющимися глазами, — прошу вас, оформите все немедленно. И на товарища Шварца тоже!

...Когда мы на следующее утро шли по степи навстречу первому нашему донецкому редакционному дню, то волновались так, что даже молчали. <...>

В редакции мы были встречены Олейниковым. Николай Макарович <...> не утаил от нас, что это он — виновник вчерашней фантасмагории. Было решение об организации первого литературного журнала на Донбассе, но опыта недоставало, писателей и литературных связей еще не было, и вот Олейников, жаждавший журнала до умоисступления, воспринял внезапное наше появление в Бахмуте как подарок судьбы. Он <...> принял немедленные и экстренные меры в своем стиле — сообщил редактору, что вот тут сейчас находится проездом знаменитый пролетарский Достоевский, которого надо во что бы то ни стало уговорить, чтобы он помог в создании журнала. <...> Олейников рассказывал нам обо всем этом спокойно и деловито, словно ничего необычного не было в том способе, какой он применил, чтобы воодушевить редактора на решительные действия. Так произошла первая встреча Швар-

ца с Олейниковым, перешедшая вскоре в дружбу на всю жизнь» [1].

В горячих дискуссиях с коллегами Олейников выдвигает свою концепцию журнала. Журнал, по его мнению, является самостоятельной литературной формой, которая должна представлять собой единство содержания и средств изобразительной подачи материала, подчиненное поставленному целевому заданию. Верстка — важнейший элемент изобразительной сущности. Редактор должен ощущать журнальную форму во всей ее неразрывной сложности, в гармонии литературного содержания, средств изображения и задач, которые он перед собой ставит. Без этого — нет журнала.

На примере «Забоя» он доказал действенность своих теоретических построений.

Первый номер журнала читатели получили в сентябре. Наряду с донецкими авторами в нем приняли участие петроградцы, москвичи и киевляне.

В дальнейшем круг донецких литераторов, участвующих в «Забое», значительно расширился. На его страницах начинали свою литературную деятельность Б. Горбатов, М. Тардов, А. Селивановский, П. Беспощадный, П. Трейдуб и многие другие писатели. В «Забое» и «Кочегарке» впервые начал печататься Е. Шварц.

Зимой 1923 года М. Слонимский, а вслед за ним и Е. Шварц возвращаются в Петроград.

Вышедший к этому времени четвертый номер журнала разошелся огромным по тем временам тиражом — сорок тысяч экземпляров.

Работая в редакции «Забоя», Н. Олейников много ездил по Донбассу, продолжал печататься в «Кочегарке», сотрудничал в ростовской газете «Молот».

Общаясь по редакционным обязанностям с начинающими авторами, он собрал любопытную коллекцию примечательных стихотворений, в которых выступали социальные и психологические характеристики их создателей.

Н. К. Чуковский воспроизводит строфу из этого собрания:

Когда мне было лет семнадцать,
Любил я девочку одну,

---

[1] Слонимский М. — В кн.: Мы знали Евгения Шварца. Л.—М., 1966, с. 13—15.

Когда мне стало лет под двадцать,
Я прислонил к себе другу [1].

По материалам вдовы поэта — Л. А. Олейниковой приведу другие образцы из названной коллекции.

Например:

...И кто Семирамидице
Угрюменько поет,
Того Судьбичекаленко
Незлобленько побьет.

Или такое стихотворение, которое, по убеждению его автора, необходимо было обязательно петь:

Рабочий
мало
получает,
Динь-динь-динь,
И через
это
он страдает,
Динь-динь-динь...

Журнал «Забой» получил широкую известность далеко за пределами Дона, и в 1963 году К. Федин назовет его существование «памятным событием ранних лет великой советской литературы» [2].

В 1924 году Н. Олейников, совместно с А. Селивановским, Б. Горбатовым, В. Соболевым, А. Заходяченко, Н. Никитиным, Ф. Ковалевским и другими коллегами, подписывает манифест литераторов шахтерского края и становится одним из учредителей первой писательской организации Донбасса, которая, по имени завоевавшего признание журнала, также получает название «Забой».

В том же 1924 году М. Слонимский опубликовал в Ленинграде написанную им на донецком материале «Машину Эмери», где действует управляющий соляным рудником коммунист Олейников. Фамилия — нередкая на юге России. Но

---

[1] Чуковский Н. — В кн.: Мы знали Евгения Шварца, с. 30.

[2] Цит. по: Габелев М. Забоївська артіль. — «Радянська Донеччина», 1981, 24 травня.

многие дончане узнавали в этом образе некоторые черты Николая Макаровича.

В 1925 году, имея значительный опыт редактора и журналиста, Николай Олейников получает направление на работу в газете «Ленинградская правда».

Друг поэта В. П. Матвеев [1] так вспоминал о его появлении в Ленинграде (запись Л. А. Олейниковой):

«В комнату входит человек приблизительно моего возраста и протягивает мне направление ЦК на работу в газете.

— Хорошо, — говорю. — А кем бы вы хотели у нас работать?

— Ответственным секретарем.

— Позвольте, — говорю, — но ведь это я ответственный секретарь!

— Ничего не поделаешь, — отвечает. — Но я действительно хочу работать ответственным секретарем...»

Вскоре Н. Олейников начинает сотрудничать в редакции журнала «Новый Робинзон», которая впоследствии трансформировалась в знаменитый Детский отдел Госиздата.

В «Новом Робинзоне» был помещен первый рассказ Н. Олейникова для детей «Кохутек» — так транслитерировалось в начале двадцатых годов чешское слово «Kohoutek», что означает «петушок». Под этим названием выходил в Праге детский журнал, который издавал будущий президент Чехословакии Антонин Запотоцкий.

Как редактор и писатель Олейников занял в детской литературе самостоятельную позицию.

Одним из признанных корифеев детской литературы в те годы справедливо считался С. Я. Маршак. Человек большого таланта и огромной энергии, Самуил Яковлевич много работал как редактор с начинающими и маститыми авторами, подчиняя их силе своего обаяния и опыта. Они сходились с Олейниковым в том, что целевая направленность — одна из главнейших основ существования журнала.

При этом С. Я. Маршак полагал, что задача редактора — помочь автору так организовать содержание и форму своего произведения, чтобы они наилучшим образом содействовали достижению поставленной цели. Искусным редактированием

---

[1] Матвеев Владимир Павлович (1897—1935) — писатель и редактор, выпускник Третьей Петергофской школы прапорщиков, в гражданскую войну был командиром, комиссаром «золотого поезда», начдивом 31-й Туркменской дивизии.

ему удавалось придать авторским текстам черты единой направленности и создать иллюзию коллективизма в работе над общей задачей.

Н. М. Олейников стоял на иной платформе. Он считал, что главная задача редактора состоит не в исправлении (пусть даже в лучшую сторону) авторских текстов, а в том, чтобы помочь автору раскрыть замысел произведения, в максимальной степени реализовать его творческую индивидуальность и найти ему такое место в наступательном строю, где он, сохраняя собственное лицо, будет каждой своей строкой работать на успех общего дела.

Это различие подходов, как рассказывал Е. Л. Шварц, проявилось уже в «Новом Робинзоне» и получило полное выражение в 1926 году, когда создавался известный детский альманах «Советские ребята».

Н. Олейников создал совершенно новый, до него не существовавший жанр прозы, который можно назвать публицистикой для детей.

Ненавязчиво внедряя в подсознание юных читателей основные принципы дисциплины и самоорганизации, он весело рассказывал им про чудесный НОЖ, который вдруг оказывался Научной Организацией Жизни; придумывал задачи, загадки и фокусы, позволявшие приобщиться к началам логики, математики и физики, организовал клуб любознательных, который сокращенно назывался КУР (Кружок Умных Ребят).

Он смело привлекал и самих детей к творчеству, печатал их стихи, заметки и «воспоминания».

Ранние стихи Н. Олейникова не сохранились. В Ленинграде он, по-видимому, заново рождается как поэт и находит то новое, глубоко индивидуальное направление, которое определило его дальнейший путь в поэзии.

О первых ленинградских годах поэтической работы Олейникова К. И. Чуковский отзывался так:

«Его необыкновенный талант проявился во множестве экспромтов и шутливых посланий, которые он писал по разным поводам своим друзьям и знакомым. Стихи эти казались небрежными, не имеющими литературной ценности. Лишь впоследствии стало понятно, что многие из этих непритязательных стихов — истинные шедевры искусства» [1].

Из этого «множества экспромтов» сохранилось очень немногое.

---

[1] Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979, с. 182.

В 1926—1928 годах, активно работая в ленинградских и московских журналах, Н. Олейников занимается организацией радиовещания для детей. Он готовит первые детские радиопередачи, привлекает к новому делу многих талантливых литераторов и актеров, экспериментирует в области звукозаписи, впервые (вновь свидетельство Е. Л. Шварца) вводит на радио чередование голосов при чтении — по аналогии с «игрой шрифтов» при верстке.

С 1928 года Н. Олейников организует издание в Ленинграде детского журнала «Еж» и становится его редактором. «Ежемесячный Журнал» — раскрывалась «аббревиатура». «Лучший в мире журнал для детей», — оповещала реклама.

Это был действительно замечательный журнал. Вокруг «Ежа» сконцентрировалась плеяда прекрасных художников и авторов самых разнообразных творческих направлений. Здесь сотрудничали и умели найти общий язык именитые мэтры — К. И. Чуковский и С. Я. Маршак. В непринужденной атмосфере журнала трудились Борис Житков, Виталий Бианки, Михаил Пришвин, Евгений Шварц, Ираклий Андроников и многие, многие другие будущие мастера прозы. В «Еже» приобщались к детской литературе молодые поэты, входившие ранее в художественную группу «Обериу» (объединение реального искусства), — Даниил Хармс, Николай Заболоцкий, Александр Введенский...

От имени авторского коллектива редакция журнала утверждала:

Мы считаем, что «Еж»
Потому и хорош,
Что его интересно читать.
Все рассказы прочтешь,
И еще раз прочтешь,
А потом перечтешь их опять.

Как портной без иглы,
Как столяр без пилы,
Как румяный мясник без ножа,
Как трубач без трубы,
Как избач без избы —
Вот таков пионер без «Ежа»!

На страницах «Ежа» Олейников создает образ отважного всадника, неутомимого изобретателя и любознательного путешественника — Макара Свирепого.

Кто я такой?
Вопрос нелепый!
Я — верховой
Макар Свирепый.

Из номера в номер печатает журнал рассказы о невероятных приключениях Макара. Это — увлекательные повествования, насыщенные силой жизнеутверждения, воспитывающие находчивость и смелость. Динамика действий, юмористическая окраска текста и блестящие иллюстрации А. Успенского, Б. Антоновского («Еж») и Б. Малаховского («Костер»), с тонкой иронией сохранившие портретное сходство героя и автора, принесли Макару популярность среди детворы и взрослых.

Была даже придуманная Н. Олейниковым настольная игра — «Путешествие Макара Свирепого по Советскому Союзу». Играя в нее, дети незаметно для себя получали необходимые знания о природе, животном мире, полезных ископаемых и жизни различных народов — учили географию страны.

«Еж» взял шефство над детьми рабочих завода «Красный путиловец» (ныне — Кировский завод). При журнале был создан детский творческий кружок. За Нарвской заставой пионеры проходили по улице с песней, которая называлась «Ежовая — буденновская»:

Читал ли ты, путиловец,
Журнал, журнал?
Ответил нам путиловец:
Читал, читал!
Про Ежика ученого,
Про конницу Буденного,
Про танки и про санки
Ты читал?
Читал! [1]

С 1930 года по инициативе Н. Олейникова начинает выходить, сначала как приложение к «Ежу», а затем как самостоятельный журнал, еще одно периодическое издание для детей — «Чиж». «Чрезвычайно Интересный Журнал» — так расшифровывалось это название.

---

[1] Стихи С. Я. Маршака. Ученый Ежик — персонаж разделов журнала «Мастер Еж» (М. Ильин) и «Еж-математик» (Н. Олейников). «Танки и санки» — рассказ Н. Олейникова.

«Еж» был ориентирован на аудиторию пионерского возраста, «Чиж» предназначался совсем маленьким читателям. Но традиции сохранялись: здесь трудилось, расширив свои ряды, то же содружество поэтов, прозаиков и художников («единство литературной и изобразительной сущностей»), царили неистощимая выдумка, юмор, умение просто рассказать о сложнейших вопросах и воплощалось в жизнь педагогическое кредо редактора: воспитание без дидактики.

В воспоминаниях современников часто рисуется непринужденная обстановка повседневной жизни редакции «Ежа» и «Чижа», где на стене висел плакат: «График — на фиг!» (что не мешало журналам всегда выходить своевременно), где редактор и сотрудники могли устроить в перерыве спортивную прогулку на четвереньках и где замечательные поэты состязались в остроумии [1]. Вспоминают о табличке «Поэт и светлый гений», висевшей некоторое время над входом в квартиру Олейникова, и о том, что, приехав в Питер, Олейников имел справку с печатью, удостоверявшую, что ее податель действительно является красивым (справка была выдана неким поселковым Советом, председатель которого уверовал, что она необходима для поступления в Академию художеств) [2].

Не следует, однако, забывать, что так называемая «золотая эпоха» детской литературы отнюдь не была временем безоблачного веселья. Она требовала повседневной отдачи, огромной работоспособности и большого личного мужества. Это было время бескомпромиссного столкновения противоположных мнений и жесткой борьбы за новые пути искусства. В этих сложных условиях Н. Олейников последовательно отстаивал свои убеждения. Вместе с горсткой сторонников он выступил против чиновников от литературы с «Декларацией ленинградской группы детских писателей-коммунистов», защищая право литератора на свободу творческого поиска. Не сдавался он и в полемике с коллегами, провозгласившими лозунг литературного коллективизма.

В журналах часто печатались рассказы Н. Олейникова. Одна за другой выходили, и при жизни автора неоднократно переиздавались, книги, написанные им для детей.

---

[1] Рахтанов И. Рассказы по памяти. «Еж» и «Чиж». М., 1969, с. 143—190; Пантелеев Л. — В кн.: Мы знали Евгения Шварца, с. 42.

[2] Чуковский Н. — В кн.: Мы знали Евгения Шварца, с. 29.

Головоломные задачи предлагали ребятам веселые книжки «Кто хитрее?» (1927) и «Хитрые мастеровые» (1929). Вводили в мир природы, приобщали к познанию законов ее развития «Живые загадки» (1928) и «Без рук, без топоренка построена избенка» (1928). Иронические «Блошиный учитель» (1930) и «Учитель географии» (1932) позволяли увидеть в необычном ракурсе знакомые вещи и события окружающей жизни. «Прохор Тыля» (1929) и «Индийская голова» (.1929) переносили читателя в страны Запада, где боролись со скаутами пионерские отряды и действовали отважные подпольщики. О первой русской революции, восставшем Петрограде, гражданской войне и жизни молодой Советской республики рассказывали «Боевые дни» (1927), «Удивительный праздник» (1928, 1934), «Танки и санки» (1929), «Питерский Совет» (1931), «Пороховой погреб» (1937) и другие книги.

Немало работал Н. Олейников и в области драматургии. Он делал тексты веселых представлений — «капустников», инсценировки для детского театра; по просьбе Д. Шостаковича, задумавшего сочинить для постановки в Ленинградском Малом театре оперу «Карась», написал либретто этой оперы.

Обратившись к кинематографу, он создал совместно с Е. Шварцем ряд сценариев, по которым были поставлены и обошли экраны страны кинофильмы «Разбудите Леночку» (1934), «Леночка и виноград» (1935), «На отдыхе» (1936). Успеху фильмов в немалой степени способствовал великолепный состав актерской группы: в мужских ролях — несравненные Борис Чирков и Николай Черкасов, в роли героини — блистательная юная Янина Жеймо, в честь которой сценаристы слагают хвалебную оду:

От Нью-Йорка
                и до Клина
На устах у всех — клеймо
Под названием Янина
Болеславовна Жеймо.

Небезынтересно отметить, что киноповесть о приключениях Леночки была задумана как первый советский сериал для детей. К выходу на экраны готовился очередной фильм этой серии — «Леночка и лев». Но зрителю не суждено было его увидеть.

В 1934 году Н. Олейников стал членом Ленинградской писательской организации, объединившей 160 литераторов. Своим руководителем организация избрала литературоведа и критика А. Е. Горелова.

Много лет спустя А. Е. Горелов рассказывал:

«Помню, как в 1934 году на открытии Дома писателя было устроено кукольное представление. Пьесу написали Николай Олейников — редактор <...> журналов «Чиж» и «Еж» и Евгений Шварц. Куклы изображали О. Форш, А. Толстого, Маршака и Тихонова, а имитировал голоса писателей Ираклий Андроников — это было чуть ли не первое его публичное выступление. А. Толстой и Маршак во время спектакля сидели в первом ряду. Они хохотали так, что выбежали из зала и представление на какое-то время приостановилось...» [1]

В полной мере обретает в тридцатые годы силу поэтическое слово Н. Олейникова. Он приводит в порядок написанное, пересматривает некоторые ранее сделанные тексты; в ряде случаев снимает с них посвящения, которыми ранее сопровождались многие его стихи. Становится очевидным, что уже оформился сборник, имеющий собственное лицо и вполне готовый для того, чтобы быть опубликованным.

В качестве пробного шага Н. Олейников отдает цикл стихотворений в сборник «30 дней».

На Первый съезд писателей Н. Олейников получил мандат делегата с правом совещательного голоса.

Зачитанная по бумаге вступительная речь Максима Горького и правительственные указания А. А. Жданова определили новые веяния в развитии литературы. В итоге заседаний, проходивших с 17 августа по 1 сентября 1934 года, были, как известно, официально утверждены принципы социалистического реализма и большевистской (в понимании А. А. Жданова) тенденциозности.

В ходе состоявшейся дискуссии к лагерю врагов общества был причислен Н. Заболоцкий. Критиковалась, в частности, его поэма «Олейников» — так назвала одна из выступавших поэму «Лодейников», подчеркнувшая, что это не оговорка, поскольку каждому ясно, о ком и о чем идет речь в данном произведении.

Первая публикация стихов Н. Олейникова появилась в десятой книжке «30-ти дней» за 1934 год. В соответствии со

---

[1] С и л и н а Г. Тропою с о в е с т и. — «Лит. газета», 1986, 10 декабря.

свежими установками против нее немедленно выступил А. Тарасенков [1].

После этого стихи Олейникова никогда не печатались.

Пресса не обошла вниманием и прозу Олейникова. Весьма показательным является, например, категорическое заключение относительно книги «Танки и санки»:

«Ничего не может быть гнуснее, когда под видом рассказа о прошлом Красной Армии детям преподносится клевета на Красную Армию, опошление героической борьбы против белых и интервентов. <...> Книжка вредна. Ее нужно изъять» [2].

В обстановке сгущавшейся напряженности в некоторой части литературной среды распространялась своеобразная форма самозащиты, нашедшая выражение в повседневной игре в веселую серьезность. Подобно йогической капсуле, комедийная или трагикомическая маска защищала от безжалостной реальности, процветавшей под гремящие из репродуктора радостные марши. В создание этой защитной оболочки внесли немалый вклад — каждый по-своему — Н. Олейников, Е. Шварц и И. Андроников.

По свидетельству современников, Н. Олейников обладал заметными актерскими способностями. Мгновенно перевоплощаясь, он мог с одинаковой убедительностью изобразить и белого офицера, и рубаку-станичника, и питерского старожила, и бродячего певца...

Неожиданно для окружающих перед ними вдруг появлялся новый образ.

В рабочем помещении издательства это могло выглядеть так:

«С гранками в руках проходит <...> искрометно-остроумный, блестяще-язвительный, веселый и недобрый Олейников... <...> Посреди комнаты Олейников вдруг останавливается, поднимает над головой палец и без тени улыбки, многозначительно, с пафосом возглашает:

> У одного портрета
> Была за рамой спрятана монета...

Лицо Николая Макаровича становится еще серьезнее, палец его, сделав над головой круг, уставился в сторону ми-

---

[1] Тарасенков А. Поэт и муха. — «Лит. газета», 1934, 10 декабря.

[2] Фрадкин Г. Танки и санки (Заметки читателя). — «Правда», 1935, 6 апреля.

лейшей и тишайшей Зои Моисеевны Задунайской [1], и Олейников уже не с пафосом, а с гневом заканчивает свой экспромт:

...Немало наших дам знакомых
Вот так же прячут насекомых!» [2]

«Экспромт» этот стал заключительной строфой цикла «В картинной галерее (Мысли об искусстве)», работу над которой Олейников завершил в 1936 году.

В среде неофициальной та же игра, обретая иную окраску, продолжалась в знаменитых разнообразных тостах Олейникова, о которых вспоминают многие мемуаристы. Вот одно из таких воспоминаний, принадлежащее О. В. Чайко:

«Часто по воскресеньям к обеду приезжали Алянский [3], Житков, Олейников, Шварц. Вместе или в розницу, но Житков и Олейников всегда вместе, изредка приезжал Маршак. Всегда было тогда оживленно. Все изощрялись в эрудиции и остроумии. Но, к стыду своему, должна сознаться, что я помню только тосты Олейникова. В те годы в наших магазинах появились испанские вина, и по обилию тостов, которые я помню, надо думать, немало было выпито этого вина.

— Пью за здоровье, — говорил Николай Макарович, взяв бокал в руку, — или, как говорили в старину, пью здоровье дам-красавиц, количеством... (предварительно было сосчитано, сколько женщин за столом), покоривших человечество. Ура, дорогие товарищи! Ура, дорогие товарищи! Ура, дорогие товарищи!

Этот тост особенно пользовался успехом. Юрий Алексеевич Васнецов [4] всегда его с нетерпением ждал и старался запомнить. И всегда тщетно. Наверное, сосредоточить внимание и напрячь память мешало проклятое испанское зелье.

Или Олейников наклонялся к моему уху и драматическим шепотом говорил:

---

[1] З. М. Задунайская (1903—1983) — редактор издательства, впоследствии — писательница.

[2] Пантелеев Л. О Маршаке. — «Новый мир», № 10, 1966, с. 138—139.

[3] Алянский Самуил Миронович (1891—1974) — один из основателей издательства «Алконост», в 1929—1932 гг. — заведующий «Издательством писателей в Ленинграде»; в последующие годы — редактор детской литературы.

[4] Ю. А. Васнецов (1900—1973) — художник, известный иллюстратор книг для детей.

— Грубая подготовочка. Как зовут Вашу кузину?

— Ирина Николаевна.

— Итак, товарищи. Если женщину можно сравнить с цветком, то Ирину Николаевну смело сравню с эдельвейсом!

И так перебирались все женщины за столом и сравнивались по очереди с цветами...»

Здесь, вероятно, уместно привести и другое свидетельство современника:

«При кажущемся своем благодушии это был человек очень насмешливый, колкий, занозистый. Недаром Маршак, щеголяя причудливой рифмой, сказал о нем:

Берегись
Николая Олейникова,
Чей девиз:
Никогда не жалей никого»[2].

О широте круга интересов Н. Олейникова могут некоторым образом свидетельствовать следующие строки из «Разговоров» (записи Л. Липавского, 1933—1935 гг.):

«Николай Олейников. Меня интересуют — питание, числа, насекомые, журналы, стихи, свет, цвета, оптика, занимательное чтение, женщины, «пифагорийство-лейбницейство», картинки, устройство жилища, правила жизни, опыты без приборов, задачи, рецептура, масштабы, мировые положения, знаки, спички, рюмки, вилки, ключи и т. п., чернила, карандаши и бумага, способы письма, искусство разговаривать, взаимоотношения с людьми, гипнотизм, доморощенная философия, люди 20 века, скука, проза, кино и фотография, балет, ежедневная запись, природа, «александрогриновщина», история нашего времени, опыты над самим собой, математические действия, магнит, назначение различных предметов и животных, озарение, формы бесконечности, ликвидация брезгливости, терпимость, жалость, чистота и грязь, виды хвастовства, внутреннее строение Земли, консерватизм, некоторые разговоры с женщинами».

В 1935 году Даниил Хармс обратился к Н. Олейникову со стихотворным посланием, содержание которого заслуживает того, чтобы привести его полностью.

---

[1] Цит. по кн.: Конашевич В. М. О себе и своем деле. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1968, с. 400—401.

[2] Чукоккала, с. 383.

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник,
О чем задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гете глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, лишь Бунин твой кумир.

Твой стих порой смешит, порой тревожит чувство,
Порой печалит слух иль вовсе не смешит,
Он даже злит порой, и мало в нем искусства,
И в бездну мелких дум он свергзиться спешит.

Постой! Вернись назад! Куда холодной думой
Летишь, забыв закон видений встречных толп?
Кого дорогой в грудь пронзил стрелой угрюмой?
Кто враг тебе? Кто друг? И где твой смертный столб? [1]

«Кондуктор чисел...». В стихах Н. Олейникова неоднократно встречаются строки с упоминанием о математических понятиях. При свойственной Олейникову манере общения, это казалось окружающим очередным розыгрышем, реминисценцией на собственную усмешку:

Моя новая тематика —
Это Вы и математика.

Мало кому из современников было известно, что труд литератора не был единственным призванием Н. Олейникова. Наряду с этой деятельностью, он много и серьезно занимался математическими исследованиями, готовил к печати результаты своих работ в области теории чисел. Публикации не успели состояться. Безвозвратно утрачены и рукописи.

Во второй половине тридцатых годов в поэзии Н. Олейникова явственно обозначается новое звучание, он создает многоплановый цикл «Мысли об искусстве», пишет поэму «Вулкан и Венера» и яркую, насыщенную глубоким подтекстом «Пучину страстей».

При этом он не оставляет редакторского труда. Когда прекращает свое существование журнал «Еж», продолжает работать в «Чиже»; сотрудничает в только что появившемся в Ленинграде журнале «Костер».

Одновременно Н. Олейников организует издание в Москве и становится редактором нового журнала для малышей под названием «Сверчок».

---

[1] «Русская литература», 1970, № 3, с. 157 (публикация А. А. Александрова).

Первый номер «Сверчка» с подзаголовком «Веселые картинки для маленьких ребят» был подписан к печати 7 декабря 1936 года.

Приближался тридцать седьмой.

Л. Э. Разгон вспоминает:

«1937 год мы с Оксаной [1] встречали в Кремле у Осинских. Не помню, чтобы какая-нибудь встреча Нового года была такой веселой. Молодой, раскованный и свободный Андроников представлял нам весь Олимп писателей и артистов; Николай Макарович Олейников читал свои необыкновенные стихи и исполнял ораторию, текст которой состоял из одного слова «гвоздь...» [2]. И под управлением Валериана Валериановича Осинского мы пели все старые любимые наши песни: «Колодников», «Славное море — священный Байкал», «По пыльной дороге телега несется...». Все это тюремные песни из далекого и наивного прошлого. Которое не может повториться. Оно и не повторилось. Ибо будущее было совсем другим» [3].

После Нового года, работая в «Чиже», Н. Олейников еженедельно ездит ночным поездом в Москву с заготовками к очередным книжкам журнала «Сверчок», авторский коллектив которого почти полностью составили ленинградцы. Здесь писали А. Введенский, Д. Хармс, Л. Савельев, С. Маршак и, конечно, сам редактор. Иллюстрировали журнал Б. Малаховский, Н. Радлов, В. Конашевич, В. Лебедев, А. Успенский, Э. Будогоский и другие талантливые художники.

С наступлением летних месяцев Олейников выехал с семьей на дачу.

В очередной раз появившись с издательскими хлопотами в Ленинграде, в ночь на 3 июля 1937 года он остался в городе. На рассвете за ним пришли сотрудники НКВД.

---

[1] Оксана Глебовна Бокий, жена Л. Э. Разгона. Вскоре после описываемых событий была, как и Лев Эммануилович, арестована. Погибла в заключении.

[2] Небольшая неточность: в действительности — «гвоздик». У оратории этой такое содержание. Казак садится на коня и, отправляясь в соседнюю станицу, запевает: «Уж ты наш да поселковый командир Гво...» Всю долгую дорогу, выражая интонациями и ритмом различные происходящие в пути события, он поет на разные лады слово «Гво...» и, добравшись до места, заканчивает: «...здик! Приехал». При этом «г» произносится по-южному, с придыханием.

[3] Разгон Л. Непридуманное. — «Юность», 1988, № 5, с. 14.

«Ираклий Андроников <...> приехал по делам из Москвы и рано вышел из дому. Смотрит, идет Олейников. Он крикнул: «Коля, куда так рано?» И только тут заметил, что Олейников не один, что по бокам его два типа... <...> Николай Макарович оглянулся. Ухмыльнулся. И все!» [1]

Вернувшись из пригорода, жена нашла квартиру опечатанной.

Вскоре после ареста Н. М. Олейникова были арестованы Т. Г. Габбе, А. И. Любарская и еще по меньшей мере девять сотрудников редакции. Группе редакторов, оставшихся на свободе, было предложено подать заявление об уходе «по собственному желанию».

В издательстве была выпущена стенгазета, именовавшая Олейникова «врагом народа» и «ставленником шпиона Файнберга». Газета не оставила без соответствующего ярлыка ни одного из арестованных и называла их всех вместе «контрреволюционной вредительской шайкой врагов народа, сознательно взявшей курс на диверсию в детской литературе». В качестве вывода следовал призыв: «Добить врага!»

2 августа 1937 года Н. Олейников получает разрешение написать из тюрьмы записку домой. Этот клочок бумаги чудом сохранился. Больше писем не было.

11 ноября 1937 года в Союзе писателей состоялось собрание, потребовавшее от С. Я. Маршака, чтобы он отрекся от «шайки врагов народа». Этого не произошло. Но вскоре Маршак покидает Ленинград и навсегда расстается с редакционной деятельностью.

24 ноября 1937 года Н. М. Олейников был расстрелян.

Спустя двадцать лет, 5 июля 1957 года, после многочисленных запросов Л. А. Олейниковой, которая вскоре после ареста мужа была выслана из Ленинграда, Главная военная прокуратура сообщила, что дело Николая «Макарьевича» направлено для окончательного разрешения в военную коллегию Верховного суда СССР.

---

[1] Жукова Л. Справка с печатью. — «Новое русское слово», 1981, 8 ноября.

[2] Любарская А. Хуже, чем ничего. — «Нева», 1989, № 1, с. 206.

Через два с небольшим месяца Военный трибунал Воронежского военного округа известил о полной посмертной реабилитации Н. М. Олейникова и прислал свидетельство о его смерти от «возвратного тифа» 5 мая 1942 года (дата выдачи — 2 октября 1956 года).

14 января 1958 года Ленинградский обком партии восстановил Н. М. Олейникова в КПСС.

При жизни Николая Олейникова было напечатано всего три его стихотворения («Служение науке», «Муха» и «Хвала изобретателям»), не считая анонимных стихов в детских журналах.

Не было ни публикаций в периодике, ни сборников. Но стихи жили. Их читали в клубных залах и на дружеских вечерах, переписывали, заучивали наизусть. Отдельные строки превращались в поговорки, включались (без ссылки на автора) в юмористические рассказы и пьесы.

За несколько десятилетий разошлось огромное количество списков стихов Н. Олейникова, которые, к сожалению, изобилуют неизбежными при любительской перепечатке неточностями и искажениями текста.

С конца шестидесятых годов, после опубликования стихов Н. Олейникова в «Вопросах литературы», распространилось ошибочное мнение о том, что Олейниковым якобы был создан обобщенный образ некого «технорука Н.», от имени которого временами ведет повествование автор. Утверждалось также, что помимо «стихов технорука Н.» имеются «стихотворения Макара Свирепого» (сюда были отнесены «Перемена фамилии», «Таракан», «Карась», «Блоха мадам Петрова») [1]. Правдоподобие этого утверждения усиливалось тем, что публикация, данная под моим именем, была озаглавлена «Новые стихи технорука Н.» [2]. Вслед за А. Дымшицем многие отечественные и зарубежные литературоведы стали всерьез говорить о существовании такого псевдонима Н. Олейникова.

Это явное недоразумение. Н. Олейников никогда не подразделял свои стихи на группы, установленные А. Дымшицем, и не подписывал их псевдонимами. К числу исключений можно, с некоторой натяжкой, отнести единственное восьмистишие, под которым значится: «Балетоман Макар Свирепый».

---

[1] Дымшиц А. Юмористические стихи Николая Олейникова. — «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 234—239.

[2] Новые стихи технорука Н. — «Вопросы литературы», 1970, № 7, с. 236—241.

Известны три псевдонима Н. Олейникова, относящиеся к ленинградскому периоду его деятельности: Макар Свирепый, Николай Макаров и Сергей Кравцов. Откуда же мог появиться «технорук»?

В 1928 году, когда отмечалось пятилетие журнала «Забой», Н. Олейников послал донецким друзьям и соратникам приветствие, в котором перечисляются все псевдонимы, использованные им в годы работы в Бахмуте и Ростове:

Целование шлет
Николай Олейников
С кучей своих нахлебников:
Макара Свирепого,
Кравцова и Н. Технорукова,
Мавзолеева-Каменского
и Петра Близорукого,
Славной шестерки в одном лице —
«Забойской артели» —
на донецкой земле!

В 1968 году А. Я. Дымшиц любезно согласился представить в журнале «Вопросы литературы» предложенную мною подборку стихов Олейникова, порекомендовав разделить ее на две части. О существовании «Н. Технорукова» ему было известно. По-видимому, отсюда и возник «технорук Н.», наличие которого позволяло не только дать общепонятную трактовку публикуемых стихов, но и убрать из «Послания, бичующего ношение одежды», предназначенного для опубликования в одном из ближайших номеров журнала, неуместное по нормам того времени слово «политрук»:

Доверься, змея, политруку —
Я твой изнутри и извне.

«Политрук» был заменен «техноруком», уже знакомым читателю по предыдущей публикации.

Стихи Николая Олейникова создавались в эпоху всепроникающей серьезности, когда пресса не знала иной тематики, кроме победных реляций и поношения недругов, литература специализировалась на производственных полотнах, поэзия грохотала литаврами и барабанами, и обыватель, всезнающий и многоликий, вещал с трибун от имени народа. Память об этом необходима для полного понимания сказанного поэтом.

21 марта 1988 года в Центральном Доме литераторов состоялся вечер из цикла «Антология русских поэтов

XX века», посвященный Николаю Олейникову. Здесь были, едва ли не впервые, произнесены надлежащие слова о философском аспекте стихов Олейникова.

«Поэт, задумчивый и скромный», — сказал о нем А. Афиногенов [1].

«В нем чувствовалось беспощадное знание жизни», — отмечал В. Каверин [2].

«...Казалось бы, все умерло, все убито, <...> давно нет Олейникова, но слово его живет, оно и сегодня может обрадовать читателя, как в тот первый миг, когда оно впервые легло на бумагу», — писал И. Рахтанов[3].

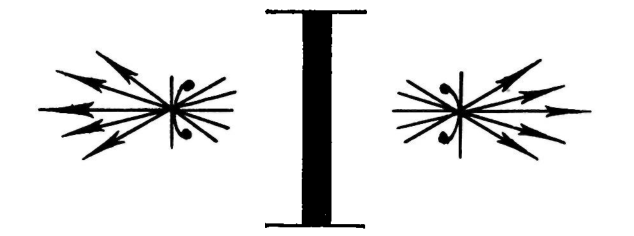
Сегодняшний день позволяет увидеть новыми глазами творчество Н. М. Олейникова. Поэт и гражданин, в трудное время всеобщей подавленности он поднял свой голос против конформизма, подлости и приспособленчества, против обывателя в быту и обывателя в каждом из нас, в защиту чистоты чувств и права каждого человека на индивидуальность.

---

[1] Афиногенов А. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. Письма, дневники. М., 1977, с. 280.

[2] Каверин В. Вечерний день. М., 1982, с. 395.

[3] Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1966, с. 164.





1. НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА

Ты устал от любовных утех,
Надоели утехи тебе!
Вызывают они только смех
На твоей на холеной губе.

Ты приходишь печальный в отдел,
И отдел замечает, что ты
Побледнел, подурнел, похудел,
Как бледнеть могут только цветы!

Ты — цветок! Тебе нужно полнеть,
Осыпаться пыльцой и для женщин цвести...
Дай им, дай им возможность иметь
Из тебя и венки и гирлянды плести.

Ты как птица, вернее, как птичка
Должен пикать, вспорхнувши в ночи.
Это пиканье станет красивой привычкой...
Ты ж молчишь... Не молчи... Не молчи...

1926

2

Кузнечик, мой верный товарищ,
Мой старый испытанный друг,
Зачем ты сидишь одиноко,
Глаза устремивши на юг?

Куда тебе в дальние страны,
Зачем тебе это тепло?
У нас и леса, и поляны,
А там все песком замело.

<1927>

3. КАРАСЬ

Н. С. Болдыревой

Жареная рыбка,
Дорогой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?

Жареная рыба,
Бедный мой карась,
Вы ведь жить могли бы,
Если бы не страсть.

Что же вас сгубило,
Бросило сюда,
Где не так уж мило,
Где — сковорода?

Помню вас ребенком:
Хохотали вы,
Хохотали звонко
Под волной Невы.

Карасихи-дамочки
Обожали вас —
Чешую, да ямочки,
Да ваш рыбий глаз.

Бюстики у рыбок —
Просто красота!
Трудно без улыбок
В те смотреть места.

Но однажды утром
Встретилася вам
В блеске перламутра
Дивная мадам.

Дама та сманила
Вас к себе в домок,
Но у той у дамы
Слабый был умок.

С кем имеет дело?
Ах, не поняла, —
Соблазнивши, смело
С дому прогнала.

И решил несчастный
Тотчас умереть.
Ринулся он, страстный,
Ринулся он в сеть.

Злые люди взяли
Рыбку из сетей,
На плиту послали
Просто, без затей.

Ножиком вспороли,
Вырвали кишки,
Посолили солью,
Всыпали муки...

А ведь жизнь прекрасною
Рисовалась вам.
Вы считались страстными
Попромежду дам...

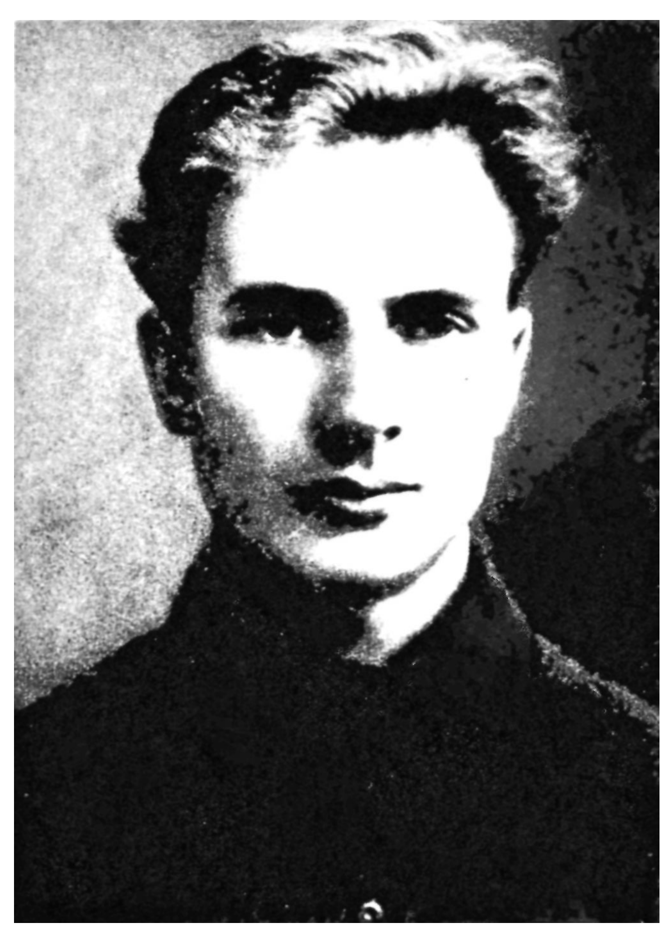
Белая смородина,
Черная беда!
Не гулять карасику
С милой никогда.

Не ходить карасику
Теплою водой,
Не смотреть на часики?
Торопясь к другой.

Плавниками-перышками
Он не шевельнет.
Свою любу «корюшкою»
Он не назовет.

Так шуми же, мутная
Невская вода.
Не поплыть карасику
Больше никуда.

1927



Николай Олейников. Фотография. Начало 20-х гг.

4. ЛЮБОВЬ

Пищит диванчик.
Я с вами тут.
У нас романчик,
И вам капут.

Вы так боялись
Любить меня,
Сопротивлялись
В теченье дня.

Я ваши губки
Поцеловал,
Я ваши юбки
Пересчитал.

Их оказалось
Всего одна.
Тут завязалась
Меж нами страсть.

Но стало скучно
Мне через час,
Собственноручно
Прикрыл я вас.

Мне надоело
Васобнимать,—
Я начал смело
Отодвигать.

Вы отвернулись,
Я замолчал,
Вы встрепенулись,
Я засыпал.

Потом под утро
Смотрел на вас:
Пропала пудра,
Закрылся глаз.

Вздохнул я страстно
И вас обнял,
И вновь ужасно
Диван дрожал.

Но это было
Уж не любовь!
Во мне бродила
Лишь просто кровь.

Ушел походкой
В сияньи дня.
Смотрели кротко
Вы на меня.

Вчера так крепко
Я вас любил,
Порвалась цепка,
Я вас забыл.

Любовь такая
Не для меня.
Она святая
Должна быть, да!

1927

5. МУРЕ ШВАРЦ

Ах, Мура дорогая,
Пляши, пляши, пляши,
Но, в плясках утопая,
Не забывай души.

Душа есть самое драгое,
Что есть у нас, что есть у вас.
О детство, детство золотое,
Ушло ты навсегда от нас.

Балетоман Макар Свирепый

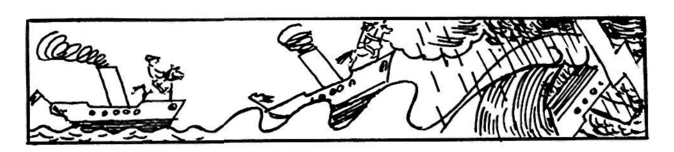
15 сентября 1927



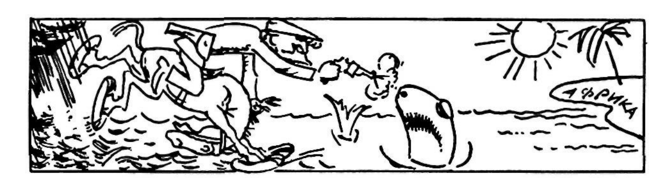
Н. Олейников — Макар Свирепый. Коллаж из журнала «Еж». 1928 г.



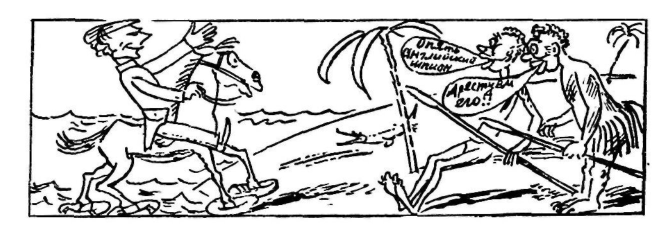
— Вся Африка будет читать «Еж», — сказал Макар, вскочил на коня и во весь опор ринулся на пароход.



На пароходе ему предложили слезть с коня. Макар презрительно усмехнулся и поскакал по палубе: он никогда не покидал седла. Однако им обоим — и коню и Макару — пришлось ехать в стойле. Но через три дня разразилась буря и началось кораблекрушение. Продолжалось оно семь дней. На седьмой день Макар увидел, что с неба целится в пароход молния. Он не стал долго думать, выехал из стойла, подковал коня спасательными кругами и смело прыгнул в океан. Следом за ним в пароход ударила молния толщиною с бревно. Она попала в капитана, отчего пароход не выдержал и опрокинулся.



Макар даже не оглянулся. Он выехал из бури на ровное место, но тут его окружило стадо акул. Самая нахальная забежала вперед и злобно оскалила зубы. Она бросилась было на всадника, но Макар вовремя прострелил лоб наглой рыбе.



Вот желтые берега песчаной Африки. Два пограничных негра вышли встречать пришельца.

— Друзья мои, — начал Макар,— в моем лице...

Но он не договорил. Туземцы, увидев английскую кепку и револьвер, бегом пустились в соседние пески, крича что есть мочи:

— Дорогие товарищи, хватайте оружие, полковник опять возвратился к нам!

Макар пустил коня вслед беглецам, вскрикивая на каждом скаку:

— Еж, Еж, Еж!



6. МУРЕ ШВАРЦ

Ты не можешь считаться моим идеалом,
Но я все же люблю тебя, крошка моя.
И, когда ты смеешься своим симметричным оскалом,
Я, быть может, дрожу, страсть в груди затая.

Ты, танцуя, меня погубила,
Превратила меня в порошок.
И я даже не первый, кого загнала ты в могилу
(Я тебе не прощу сей капризный штришок!).

Я от танцев твоих помираю,
Погубила меня ты, змея.
Был я ангелом — стал негодяем...
Я люблю тебя, крошка моя!

<1928>

7. ПОСВЯЩЕНИЕ

Ниточка, иголочка,
Булавочка, утюг...
Ты моя двуколочка,
А я твой битюг.

Ты моя колясочка,
Розовый букет,
У тебя есть крылышки,
У меня их нет.

Женщинам в отличие
Крылышки даны!
В это неприличие
Все мы влюблены.

Полюби, красавица,
Полюби меня,
Если тебе нравится
Песенка моя.

<1928>

Н. ОЛЕЙНИКОВ

ТАНКИ И САНКИ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РИСУНКИ А. ПАХОМОВА

1928

Обложка книги Н. Олейникова «Танки и санки» (Л., 1928)



А. Пахомов. Добровольцы Иллюстрация к книге Н. Олейникова «Танки и санки» (Л., 1928)

8. КОРОТКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Тянется ужин.
Блещет бокал.
Пищей нагружен,
Я задремал.

Вижу: напротив
Дама сидит.
Прямо не дама,
А динамит!

Гладкая кожа.
Ест не спеша...
Боже мой, Боже,
Как хороша!

Я поднимаюсь
И говорю:
— Я извиняюсь,
Но я горю!

<1928>

9. ГЕНРИЕТТЕ ДАВЫДОВНЕ

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет —
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она.

Дорогая, красивая Груня,
Разлюбите его, кабана!
Дело в том, что у Шварца в зобу н*е*...
Не спирает дыхания, как у меня.

Он подлец, совратитель, мерзавец —
Ему только бы женщин любить...
А Олейников, скромный красавец,
Продолжает в немилости быть.

Я красив, я брезглив, я нахален,
Много есть во мне разных идей.
Не имею я в мыслях подпалин,
Как имеет их этот индей!

. . . .

Полюбите меня, полюбите!
Разлюбите его, разлюбите!

1928



Группа писателей. Коллаж. Слева направо: Н. Олейников, Н. Сац, С. Маршак, Е. Шварц, А. Барто, Л. Кассиль.

10. НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГРУНИ

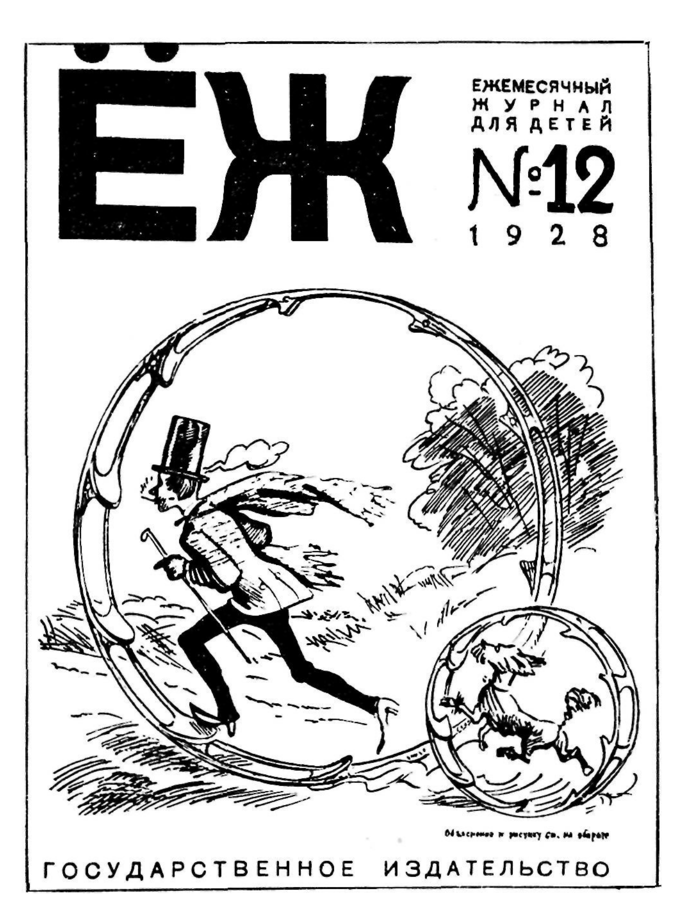
Да, Груня, да. И ты родилась.
И ты, как померанц, произросла.
Ты из Полтавы к нам явилась
И в восхищенье привела.

Красивая, тактичная, меланхоличная!
Ты нежно ходишь по земле,
И содрогается все неприличное,
И гибнет пред тобой в вечерней мгле.

Вот ты сидишь сейчас в красивом платьице
И дремлешь в нем, а думаешь о Нем,
О том, который из-за вас поплатится —
Он негодяй и хам (его мы в скобках Шварцем
назовем).

Живи, любимая, живи, отличная...
Мы все умрем.
А если не умрем, то на могилку к вам придем.

1928



Обложка журнала «Еж».



Н. Олейников. Фотография. Начало 20-х гг.

11. ЛЮБОЧКЕ БРОЗЕЛИО

У Брозелио у Любочки
Нет ни кофточки, ни юбочки,
Ну а я ее люблю!

За ее за убеждения,
За ее телосложение —
Очень я ее люблю.

1928

12

Кто я такой?
Вопрос нелепый!
Я — верховой
Макар Свирепый.

1928



В редакции детских книг Ленгосиздата. Фотография 1926 г.? Слева направо: Н. М. Олейников, В. В. Лебедев, З. И. Лидина (зам. главного редактора издательства), С. Я. Маршак, Е. Л Шварц, Б. С. Житков

13. МАШИНИСТКЕ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ПЕЛЕРИНКИ

Ты надела пелеринку,
Я приветствую тебя!
Стуком пишущей машинки
Покорила ты меня.

Покорила ручкой белой,
Ножкой круглою своей,
Перепискою умелой
Содержательных статей.

Среди грохота и стука
В переписочном бюро
Уловил я силу звука
Ремингтона твоего.

Этот звук теперь я слышу
Днем и ночью круглый год, —
Когда град стучит по крыше,
Когда сверху дождик льет,

Когда птичка распевает
Среди веток за окном,
Когда чайник закипает
И когда грохочет гром.

Пусть под вашей пелеринкой,
В этом подлинном раю,
Застучит сильней машинки
Ваше сердце в честь мою.

<1929>



Николай Олейников. Фотография 1928 г

ТРЯХНЕМ СТАРИНОЙ!



Н. Олейников и Д. Хармс на корабле «Алексей Рыков». Рисунок Б. Антоновского 1929 г

14. НАТАШЕ

Если б не было Наташи —
Я домой бы убежал.
Если б не было Наташи —
Жизнь бы водкой прожигал.

День, когда тебя не вижу,
Для меня пропащий день.
Что тогда цветенье розы,
Что мне ландыш и сирень!

Но зато, когда с тобою
Я среди твоих цепей,
Я люблю и подорожник,
Мне приятен и репей.

<1929>

15. ЗАВЕДУЮЩЕЙ СТОЛОМ СПРАВОК

Я твой! Ласкай меня, тигрица!
Гори над нами страсти ореол!
Но почему, скажи, с тобою мы не птицы?
Тогда б у нас родился маленький орел.

1930

16. ДЕВЕ

Ты, Дева, друг любви и счастья,
Не презирай, не презирай меня,
Ни в радости, тем более ни в страсти
Дурного обо мне не мня.

Пускай уж я не тот! Но я еще красивый!
Доколь в подлунной будет хоть один пиит,
Еще не раз взыграет в нас гормон игривый.
Пусть жертвенник разбит! Пусть жертвенник разбит!

1930?

17. КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕН

Жена-кобыла —
Для удовлетворения пыла.

Жена-корова —
Для тихого семейного крова.

Жена-стерва —
Для раздражения нерва.

Жена-крошка —
Всего понемножку.

1930?

18. МУРЕ ШВАРЦ

Я — мерзавец, негодяй,
Сцапал книжку невзначай.
Ах, простите вы меня,
Я воришка и свинья.
Автор книжки — В. Оствальд.
Ухожу я на асфальт.

1930?

19. ВАЛЕ ШВАРЦ

Вы вот, Валя, меня упрекали.
Я увлекся, а Вы... никогда.
Почему ж Вы меня презирали
И меня довели до суда?

До суда довели, до могилы,
До различных каких-то забот.
Между тем как любовь Неонилы
Мне была бы вернейший оплот.

Да, оплот. И, наверное,
Я теперь бы еще проживал,
И на этой планете неверное
Счастье я бы, наверно, узнал.

Между тем — поглядите — я нищий,
Я больной, и слепой, и хромой.
И зимы подступает и свищет
Замогильный и жалобный вой.

Что же, Валя, рассудим спокойно
И спокойно друг другу простим.
Ты, конечно, вела себя недостойно
И убила во мне ты мой стимул.

Да, убила, и я убивался
И не раз погибал, погибал.
Умирая, я вновь нарождался...
Но напрасно, друзья, я страдал!

1930?

20

Половых излишеств бремя
Тяготеет надо мной.
Но теперь настало время
Для тематики иной.

Моя новая тематика —
Это Вы и математика.

1930?

21

Солнце скрылось за горой.
Роет яму подхалим во тьме ночной.
Может, выроет,
                          а может быть, и нет.
Все равно на свете счастья нет.

<1931>

22. ТАТЬЯНЕ НИКОЛАЕВНЕ ГЛЕБОВОЙ

Глебова Татьяна Николаевна! Вы
Не выходите у нас из головы.
Ваша маленькая ручка и Ваш глаз
На различные поступки побуждают нас.

Вы моя действительная статская советница,
Попечительница Харьковского округа!
Пусть протянется от Вас ко мне
взаимоотношений лестница,
Обсушите Вы меня, влюбленного и мокрого.

Вы, по-моему, такая интересная,
Как настурция небезызвестная!
И я думаю, что согласятся даже птицы
Целовать твои различные частицы.
Обо мне уж нечего и говорить —
Я готов частицы эти с чаем пить...
. . . .

Для кого Вы — дамочка, для меня — завод,
Потому что обаяния от Вас дымок идет.

1931

23

Однажды красавица Вера,
Одежды откинувши прочь,
Вдвоем со своим кавалером
До слез хохотала всю ночь.

Действительно весело было!
Действительно было смешно!
А вьюга за форточкой выла,
И ветер стучался в окно.

1931?

24. ЛИДИИ

Потерял я сон,
Прекратил питание,—
Очень я влюблен
В нежное создание.

То создание сидит
На окне горячем.
Для него мой страстный вид
Ничего не значит.

Этого создания
Нет милей и краше,
Нету многограннее
Милой Лиды нашей.

Первый раз, когда я Вас
Только лишь увидел,
Всех красавиц в тот же час
Я возненавидел...
Кроме Вас.

Мною было жжение
У себя в груди замечено,
И с тех пор у гения
Сердце искалечено.

Что-то в сердце лопнуло,
Что-то оборвалось,
Пробкой винной хлопнуло,
В ухе отозвалось.

И с тех пор я мучаюсь,
Вспоминая Вас,
Красоту могучую,
Силу Ваших глаз.

Ваши брови черные,
Хмурые, как тучки,
Родинки — смородинки,
Ручки — поцелуйчики.

В диком вожделении
Провожу я ночь —
Проводить в терпении
Больше мне невмочь.

Пожалейте, Лидия,
Нового Овидия.
На мое предсердие
Капни милосердия!

Чтоб твое сознание
Вдруг бы прояснилося,
Чтоб мое питание
Вновь восстановилося.

1931?

25. ШУРОЧКЕ
(НА ПРИОБРЕТЕНИЕ НОВЫХ ТУФЕЛЬ)

О ножки-птички, ножки-зяблики,
О туфельки, о драгоценные кораблики,
Спасибо вам за то, что с помощью высоких
каблучков
Вы Шурочку уберегли от нежелательных толчков.

1931?

26. ХВАЛА ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ

Хвала изобретателям, подумавшим о мелких
и смешных приспособлениях:
О щипчиках для сахара, о мундштуках для
папирос,
Хвала тому, кто предложил печати ставить в
удостоверениях,
Кто к чайнику приделал крышечку и нос.
Кто соску первую построил из резины,
Кто макароны выдумал и манную крупу,
Кто научил людей болезни изгонять отваром из
малины,
Кто изготовил яд, несущий смерть клопу.
Хвала тому, кто первый начал называть котов
и кошек человеческими именами,
Кто дал жукам названия точильщиков,
могильщиков и дровосеков,
Кто ложки чайные украсил буквами и вензелями,
Кто греков разделил на древних и на просто
греков.
Вы, математики, открывшие секреты
перекладывания спичек,
Вы, техники, создавшие сачок — для бабочек
капкан,
Изобретатели застежек, пуговиц, петличек
И ты, создатель соуса-пикан!

Бирюльки чудные, — идеи ваши — мне всего дороже!
Они томят мой ум, прельщают взор...
Хвала тому, кто сделал пуделя на льва похожим
И кто придумал должность — контролер!

<1932>



Обложка журнала «Забой».

27. СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ

Я описал кузнечика, я описал пчелу,
Я птиц изобразил в разрезах полагающихся,
Но где мне силу взять, чтоб описать смолу
Твоих волос, на голове располагающихся?

Увы, не та во мне уж сила,
Которая девиц, как смерть, косила!
И я не тот. Я перестал безумствовать и
пламенеть,
И прежняя в меня не лезет снедь.

Давно уж не ночуют утки
В моем разрушенном желудке.
И мне не дороги теперь любовные страданья —
Меня влекут к себе основы мирозданья.

Я стал задумываться над пшеном,
Зубные порошки меня волнуют,
Я увеличиваю бабочку увеличительным
стеклом —
Строенье бабочки меня интересует.

Везде преследуют меня — и в учреждении и на
бульваре —
Заветные мечты о скипидаре.
Мечты о спичках, мысли о клопах,
О разных маленьких предметах;
Какие механизмы спрятаны в жуках,
Какие силы действуют в конфетах.

Я понял, что такое рожки,
Зачем грибы в рассол погружены,
Какой имеют смысл телеги, беговые дрожки
И почему в глазах коровы отражаются окошки,
Хотя они ей вовсе не нужны.

Любовь пройдет. Обманет страсть. Но лишена
обмана
Волшебная структура таракана.

О, тараканьи растопыренные ножки, которых
шесть!
Они о чем-то говорят, они по воздуху каракулями
пишут,
Их очертания полны значенья тайного... Да,
в таракане что-то есть,
Когда он лапкой двигает и усиком колышет.

А где же дамочки, вы спросите, где милые
подружки,
Делившие со мною мой ночной досуг,
Телосложением напоминавшие графинчики,
кадушки, —
Куда они девались вдруг?

Иных уж нет. А те далече.
Сгорели все они, как свечи.
А я горю иным огнем, другим желаньем —
Ударничеством и соревнованьем!
Зовут меня на новые великие дела
Лесной травы разнообразные тела.
В траве жуки проводят время в занимательной
беседе.
Спешит кузнечик на своем велосипеде.
Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка.

Бежит, бежит... Я вижу резвость эту, и меня берет тоска,
Мне тяжко!
Я вспоминаю дни, когда я свежестью превосходил коня,
И гложет тайный витамин меня.
И я молчу, сжимаю руки,
Гляжу на травы не дыша...
Но бьет тимпан! И над служителем науки
Восходит солнце не спеша.

1932

28. ОЗАРЕНИЕ

Все пуговки, все блохи, все предметы что-то
значат.
И неспроста одни ползут, другие скачут.
Я различаю в очертаниях неслышный разговор:
О чем-то сообщает хвост, на что-то намекает
бритвенный прибор.

Тебе селедку подали. Ты рад. Но не спеши ее
отправить в рот.
Гляди, гляди! Она тебе сигналы подает.

1932

29. ЗАТРУДНЕНИЕ УЧЕНОГО

Наливши квасу в нашатырь толченый,
С полученной молекулой не может справиться ученый.
Молекула с пятью подобными соединяется,
Стреляет вверх, обратно падает и моментально уплотняется.

1932

30. НАУКА И ТЕХНИКА

Я ем сырые корешки,
Питаюсь черствою корою
И запиваю порошки
Водопроводною водою.

Нетрудно порошок принять,
Но надобно его понять.

Вот так и вас хочу понять я —
И вас, и наши обоюдные объятья.

1932

31. БУБЛИК

О бублик, созданный руками хлебопека!
Ты сделан для еды, но назначение твое высоко!
Ты с виду прост, но тайное твое строение
Сложней часов, великолепнее растения.
Тебя пошляк дрожащею рукой разламывает.
Он спешит.
Ему не терпится. Его кольцо твое страшит,
И дырка знаменитая
Его томит, как тайна нераскрытая.
А мы глядим на бублик и его простейшую фигуру,
Его старинную тысячелетнюю архитектуру
Мы силимся понять. Мы вспоминаем: что же,
что же,
На что это, в конце концов, похоже,
Что значат эти искривления, окружность эта,
эти пэтки?
Вотще! Значенье бублика нам непонятно.

1932



Николай Олейников и Александр Введенский. Фотография.
Начало 30-х гг.

32. НЕБЛАГОДАРНЫЙ ПАЙЩИК

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок с крупой.
...Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

1932

33—**34.** ***БАСНИ***

I

НЕСХОДСТВО ХАРАКТЕРОВ

Однажды Витамин,
Попавши в Тмин,
Давай плясать и кувыркаться
И сам с собою целоваться.

«Кретин!» —
Подумал Тмин.

1932

2

ДРУЖБА КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Однажды Склочник
В Источник
Плюнул с высоты.
...С тех пор Источник с ним на «ты».

1932

35. КРАСАВИЦЕ,
НЕ ЖЕЛАЮЩЕЙ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕРКАССКОГО МЯСА

Красавица, прошу тебя, говядины не ешь.
Она в желудке пробивает брешь.
Она в кишках кладет свои печати.
Ее поевши, будешь ты пищати.

Другое дело кролики. По калорийности они
Напоминают солнечные дни.

1932

36. ПОСЛАНИЕ АРТИСТКЕ ОДНОГО ИЗ ТЕАТРОВ

Без одежды и в одежде
Я вчера Вас увидал,
Ощущая то, что прежде
Никогда не ощущал.

Над системой кровеносной,
Разветвленной, словно куст,
Воробьев молниеносней
Пронеслася стая чувств.

Нет сомнения — не злоба,
Отравляющая кровь,
А несчастная, до гроба
Нерушимая любовь.

И еще другие чувства,
Этим чувствам имя — страсть!
— Лиза! Деятель искусства!
Разрешите к Вам припасть!

1932

37. ПОСЛАНИЕ, ОДОБРЯЮЩЕЕ СТРИЖКУ ВОЛОС

Если птичке хвост отрезать —
Она только запоет.
Если сердце перерезать —
Обязательно умрет!

Ты не птичка, но твой локон —
Это тот же птичий хвост:
Он составлен из волокон,
Из пружинок и волос.

Наподобие петрушки
Разукрашен твой овал,
Покрывает всю макушку
Волокнистый матерьял.

А на самом на затылке
Светлый высыпал пушок.
Он хорошенькие жилки
Покрывает на вершок.

О, зови, зови скорее
Парикмахера Матвея!
Пусть означенный Матвей
На тебя прольет елей *.

---

* Под елеем подразумевается одеколон.

Пусть ножи его стальные
И машинки застучат
И с твоей роскошной выи
Пух нежнейший удалят.

Где же птичка, где же локон,
Где чудесный птичий хвост,
Где волос мохнатый кокон,
Где пшеница, где овес?

Где растительные злаки,
Обрамлявшие твой лоб,
Где волокна-забияки,
Где петрушка, где укроп?

Эти пышные придатки,
Что сверкали час назад,
В живописном беспорядке
На полу теперь лежат.

И дрожит Матвей прекрасный,
Укротитель шевелюры,
Обнажив твой лоб атласный
И ушей архитектуру.

1932

38. ПОСЛАНИЕ, БИЧУЮЩЕЕ НОШЕНИЕ ОДЕЖДЫ

Меня изумляет, меня восхищает
Природы красивый наряд:
И ветер, как муха, летает,
И звезды, как рыбки, блестят.

Но мух интересней,
Но рыбок прелестней
Прелестная Лиза моя —
Она хороша, как змея!

Возьми поскорей мою руку,
Склонись головою ко мне,
Доверься, змея, политруку —
Я твой изнутри и извне!

Мешают нам наши покровы,
Сорвем их на страх подлецам!
Чего нам бояться? Мы внешне здоровы,
А стройностью торсов мы близки к орлам.

Тому, кто живет как мудрец-наблюдатель,
Намеки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,
Летит соловей — без штанов.

Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой,
Хочу над тобою летать,
Отбросивши брюки, штаны и рубашку —
Все то, что мешает пылать.

Коровы костюмов не носят.
Верблюды без юбок живут.
Ужель мы глупее в любовном вопросе,
Чем тот же несчастный верблюд?

Поверь, облаченье не скроет
Того, что скрывается в нас,
Особенно если под модным покроем
Горит вожделенья алмаз.

...Ты слышишь, как кровь закипает?
Моя полноценная кровь!
Из наших объятий цветок вырастает
По имени Наша Любовь.

1932



Николай Олейников. Фотография. Первая половина 30-х гг.

39. БЫЛЬ, СЛУЧИВШАЯСЯ С АВТОРОМ В ЦЧО

(Стихотворение, бичующее разврат)

Пришел я в гости, водку пил,
Хозяйкин сдерживая пыл.

Но водка выпита была.
Меня хозяйка увлекла.

Она меня прельщала так:
«Раскинем с вами бивуак,

Поверьте, насмешу я вас:
Я хороша, как тарантас».

От страсти тяжело дыша,
Я раздеваюся, шурша.

Вступив в опасную игру,
Подумал я: «А вдруг помру?»

Действительно, минуты не прошло,
Как что-то из меня ушло.

Душою было это что-то.
Я умер. Прекратилась органов работа.

И вот, отбросив жизни груз,
Лежу прохладный, как арбуз.

Арбуз разрезан. Он катился,
Он жил — и вдруг остановился.

В нем тихо дремлет косточка-блоха,
И капает с него уха.

А ведь не капала когда-то!

Вот каковы они, последствия разврата.

1932

40. ГЕНРИХУ ЛЕВИНУ

ПО ПОВОДУ ВЛЮБЛЕНИЯ ЕГО В ШУРОЧКУ ЛЮБАРСКУЮ

Неприятно в океане
Почему-либо тонуть.
Рыбки плавают в кармане,
Впереди — неясен путь.

Так зачем же ты, несчастный,
В океан страстей попал,
Из-за Шурочки прекрасной
Быть собою перестал?!

Все равно надежды нету
На ответную струю,
Лучше сразу к пистолету
Устремить мечту свою.

Есть печальные примеры —
Ты про них не забывай! —
Как любовные химеры
Привели в загробный край.

Если ты посмотришь в сад,
Там почти на каждой ветке
Невеселые сидят,
Будто запертые в клетки,
Наши старые знакомые
Небольшие насекомые:

То есть пчелы, то есть мухи,
То есть те, кто в нашем ухе
Букву Ж изготовляли,
Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.

И бледна и нездорова,
Там одна блоха сидит,
По фамилии Петрова,
Некрасивая на вид.

Она бешено влюбилась
В кавалера одного!
Помню, как она резвилась
В предвкушении его.

И глаза ее блестели,
И рука ее звала,
И близка к заветной цели
Эта дамочка была.

Она юбки надевала
Из тончайшего пике,
И стихи она писала
На блошином языке:
И про ножки, и про ручки,
И про всякие там штучки
Насчет похоти и брака...

Оказалося, однако,

Что прославленный милашка
Не котеночек, а хам!
В его органах кондрашка,
А в головке тарарам.

Он ее сменял на деву —
Обольстительную мразь —
И в ответ на все напевы
Затоптал ногами в грязь.

И теперь ей все постыло —
И наряды, и белье,
И под лозунгом «могила»
Догорает жизнь ее.

...Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует *уют*, —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут,

Улетает птица с дуба,
Ищет мяса для детей,
Провидение же грубо
Преподносит ей червей.

Плачет маленький теленок
Под кинжалом мясника,
Рыба бедная спросонок
Лезет в сети рыбака.

Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

Все погибнет, все исчезнет
От бациллы до слона —
И любовь твоя, и песни,
И планеты, и луна.

И блоха, мадам Петрова,
Что сидит к тебе а н ф а с , —
Умереть она готова,
И умрет она сейчас.

Дико прыгает букашка
С беспредельной высоты,
Разбивает лоб бедняжка...
Разобьешь его и ты!

1932

41. НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ГЕНРИХА

Прочь воздержание. Да здравствует отныне
Яйцо куриное с желтком посередине!
И курица да здравствует, и горькая ее печенка,
И огурцы, изъятые из самого крепчайшего
бочонка!

И слово чудное «бутылка»
Опять встает передо мной.
Салфетка, перечница, вилка —
Слова, прекрасные собой.

Меня ошеломляет звон стакана
И рюмок водочных безумная игра.
За Генриха, за умницу, за бонвивана,
Я пить готов до самого утра.

Упьемся, други! В день его выздоровленья
Не может быть иного времяпровожденья.

Горчицы с уксусом живительным составом
Душа его пусть будет до краев напоена.
Пускай его ногам, и мышцам, и суставам
Их сила будет прежняя и крепость их возвращена.

Последний тост за Генриха, за неугасший пыл,
За все за то, что он любил:
За грудь округлую, за плавные движенья,
За плечи пышные, за ног расположенье.

Но он не должен сочетать куриных ног с
бесстыдной женской ножкой,
Не должен страсть объединять с питательной
крупой.
Не может справиться с подобною окрошкой
Красавец наш, наш Генрих дорогой.

Всему есть время, и всему есть мера:
Для папирос — табак, для спичек — сера,
Для вожделения — девица,
Для насыщенья — чечевица!

1932

42. ПОСЛАНИЕ

Ольге Михайловне

Блестит вода холодная в бутылке,
Во мне поползновения блестят.
И если я — судак, то ты подобна вилке,
При помощи которой судака едят.

Я страстию опутан, как катушка,
Я быстро вяну, сам не свой,
При появлении твоем дрожу, как стружка...
Но ты отрицательно качаешь головой.

Смешна тебе любви и страсти позолота —
Тебя влечет научная работа.

Я вижу, как глаза твои над книгами нависли.
Я слышу шум. То знания твои шумят!
В хорошенькой головке шевелятся мысли,
Под волосами пышными они кишмя кишат.

Так в роще куст стоит, наполненный движеньем.
В нем чижик водку пьет, забывши стыд.
В нем бабочка, закрыв глаза, поет в самозабвеньи,
И все стремится и летит.

И я хотел бы стать таким навек,
Но я не куст, а человек.

На голове моей орлы гнезда не вили,
Кукушка не предсказывала лет...
Люби меня, как все любили,
За то, что гений я, а не клеврет!

Я верю: к шалостям твой организм вернется.
Бери меня, красавица, я — твой!
В груди твоей пусть сердце повернется
Ко мне своею лучшей стороной.

1932

43. ПОСЛАНИЕ, БИЧУЮЩЕЕ НОШЕНИЕ ДЛИННЫХ ПЛАТЬЕВ И ЮБОК

Наташе Шварц

Веществ во мне немало,
Во мне текут жиры,
Я сделан из крахмала,
Я соткан из икры.

Но есть икра другая,
Другая, не моя,
Другая, дорогая...
Одним словом — твоя.

Икра твоя роскошна,
Но есть ее нельзя.
Ее лишь трогать можно,
Безнравственно скользя.

Икра твоя гнездится
В хорошеньких ногах,
Под платьицем из ситца
Скрываясь, как монах.

Монахов нам не надо!
Религию долой!
Для пламенного взгляда
Икру свою открой.

Чтоб солнце освещало
Вместилище страстей,
Чтоб ножка не увяла
И ты совместно с ней.

Дитя, страшися тлена!
Да здравствует нога,
Вспорхнувшая из плена
На вешние луга!

Шипит в стекле напиток.
Поднимем вверх его
И выпьем за избыток
Строенья твоего!

За юбки до колена!
За то, чтобы в чулках
Икра, а не гангрена
Сияла бы в веках!

. . . .

Теперь тебе понятно
Значение икры:
Она — не для разврата,
Она — не для игры.

7 июня 1932



Даниил Иванович Хармс и Татьяна Николаевна Глебова.
Фотография. Первая половина 30-х гг.



Д. И. Хармс. Фотография. Начало 30-х гг.

44. ШУРЕ ЛЮБАРСКОЙ

Верный раб твоих велений,
Я влюблен в твои колени
И в другие части ног —
От бедра и до сапог.

Хороши твои лодыжки,
И ступни, и шенкеля,
Твои ножки — шалунишки,
Твои пятки — штемпеля.

Если их намазать сажей
И потом к ним приложить
Небольшой листок бумажный —
Можно оттиск получить.

Буду эту я бумажку
Регулярно целовать
И, как белую ромашку,
Буду к сердцу прижимать!

Я пойду туда, где роза
Среди дудочек растет,
Где из пестиков глюкоза
В виде н*е*ктара течет.

Эта роза — Ваше ухо:
Так же свернуто оно,
Тот же контур, так же сухо
По краям обведено.

Это ухо я срываю
И шепчу в него дрожа,
Как люблю я и страдаю
Из-за Вас, моя душа.

И различные созданья
Всех размеров и мастей
С очевидным состраданьем
Внемлют повести моей.

Вот платком слезу стирает
Лицемерная пчела.
Тихо птица вылетает
Из секретного дупла.

И летит она, и плачет,
И качает головой...
Значит, жалко *ей*, — и, значит,
Не такой уж я плохой.

Видишь, все в природе внемлет
Вожделениям моим.
Лишь твое сознанье дремлет,
Оставаяся глухим.

Муха с красными глазами
Совершает свой полет.
Плачет горькими слезами
Человеческий оплот.

Кто оплот? Конечно — Я.
Значит, плачу тоже я.

Почему я плачу, Шура?
Очень просто: из-за Вас.
Ваша чуткая натура
Привела меня в экстаз.

От экстаза я болею,
Сновидения имею,
Ничего не пью, не ем
И худею вместе с тем.

Вижу смерти приближенье,
Вижу мрак со всех сторон
И предсмертное круженье
Насекомых и ворон.

Хлещет вверх моя глюкоза!
В час последний, роковой
В виде уха, в виде розы
Появись передо мной.
21 июня 1932

45. ПОСЛАНИЕ

(НА ЗАБОЛЕВАНИЕ РАКОМ ЖЕЛУДКА)

Клёсе

Вчера представлял я собою роскошный сосуд,
А нынче сосут мое сердце, пиявки сосут.

В сосуде моем вместо сельтерской — яд,
Разрушен желудок, суставы скрипят...

Тот скрип нам известен под именем Страсть!
К хорошеньким мышцам твоим разреши мне припасть.

Быть может, желудок поэта опять расцветет,
Быть может, в сосуде появится мед.

Но мышцы своей мне красотка, увы, не д а е т , —
И снова в сосуде отсутствует мед.

И снова я весь погружаюсь во мрак...
Один лишь мерцает желудок-пошляк.

1932

46. ФРУКТОВОЕ ПИТАНИЕ

Много лет тому назад жила на свете
Дама, подчинившая себя диете.
В интересных закоулках ее тела
Много неподдельного желания кипело.
От желания к желанию переходя,
Родилось у ней красивое дитя.
Год проходит, два проходит, тыща лет —
Красота ее все та же. Изменений нет.
Несмотря, что был ребенок
И что он вместо пеленок
Уж давно лежит в гробу,
Да и ей пришлось не сладко: и ее снесли, рабу.
И она лежит в могиле, как и все ее друзья —
Представители феодализма — генералы
и князья.
Но она лежит — не тлеет,
С каждым часом хорошеет,
Между тем как от князей
Не осталося частей.

«Почему же, — возопит читатель изумленный, —
Сохранила вид она холеный?!
Нам, читателям, не ясно,
Почему она прекрасна,
Почему ее сосуды
Крепче каменной посуды».

Потому что пресловутая покойница
Безубойного питания была поклонница.
В ней микробов не было и нету
С переходом на фруктовую диету.

Если ты желаешь быть счастливой,
Значит, ты должна питаться сливой,
Или яблоком, или смородиной, или клубникой,
Или земляникой, или ежевикой.
Будь подобна бабочке, которая,
Соками питаяся, не бывает хворая.
Постарайся выключить из своего меню
Рябчика и курицу, куропатку и свинью!
Ты в себя спиртные жидкости не лей,
Молока проклятого по утрам не пей.
Свой желудок апельсином озаряя,
Привлечешь к себе ты кавалеров стаю.
И когда взмахнешь ты благосклонности
флажком,
То захочется бежать мне за тобою петушком.

8 сентября 1932

47. ЧРЕВОУГОДИЕ

(Баллада)

Однажды, однажды
Я вас увидал.
Увидевши дважды,
Я вас обнимал.

А в сотую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил:

— Без хлеба и масла
Любить я не мог.
Чтоб страсть не погасла,
Пеките пирог!

Смотрите, как вяну
Я день ото дня.
Татьяна, Татьяна,
Кормите меня.

Поите, кормите
Отборной едой,
Пельмени варите,
Горох с ветчиной.

От мяса и кваса
Исполнен огня,
Любить буду нежно,
Красиво, прилежно...
Кормите меня!

Татьяна выходит,
На кухню идет,
Котлету находит
И мне подает.

...Исполнилось тело
Желаний и сил,
И черное дело
Я вновь совершил.

И снова котлета.
Я снова любил.
И так до рассвета
Себя я губил.

Заря занималась,
Когда я уснул.
Под окнами пьяный
Кричал: караул!

Лежал я в постели
Три ночи, три дня,
И кости хрустели
Во сне у меня.

Но вот я проснулся,
Слегка застонал.
И вдруг ужаснулся,
И вдруг задрожал.

Я ногу хватаю —
Нога не бежит,
Я сердце сжимаю —
Оно не стучит.

...Тут я помираю.

Зарытый, забытый,
В земле я лежу,
Попоной покрытый,
От страха дрожу.

Дрожу оттого я,
Что начал я гнить,
Но хочется вдвое
Мне кушать и пить.

Я пищи желаю,
Желаю котлет.
Красивого чаю,
Красивых конфет.

Любви мне не надо,
Не надо страстей,
Хочу лимонаду,
Хочу овощей!

Но нет мне ответа —
Скрипит лишь доска,
И в сердце поэта
Вползает тоска.

Но сердце застынет,
Увы, навсегда,
И желтая хлынет
Оттуда вода,

И мир повернется
Другой стороной,
И в тело вопьется
Червяк гробовой.

Октябрь 1932

48. ЛИДЕ

Человек и части человеческого тела
Выполняют мелкое и незначительное дело:
Для сравненья запахов устроены красивые носы,
И для возбуждения симпатии — усы.
Только Вы одна и Ваши сочлененья
Не имеют пошлого предназначенья.
Ваши ногти не для поднимания иголок,
Пальчики — не для ощупыванья блох,
Чашечки коленные — не для коленок,
А коленки вовсе не для ног.
Недоступное для грохота, шипения и стуков,
Ваше ухо создано для усвоенья высших звуков.
Вы тычинок лишены, и тем не менее
Все же Вы — великолепное растение.
И когда я в ручке Вашей вижу ножик или вилку,
У меня мурашки пробегают по затылку.
И боюсь я, что от их неосторожного
прикосновения
Страшное произойдет сосудов поранение.
Если же в гостиной Вашей, разливая чай,
Лида, Вы мне улыбнетесь невзначай, —
Я тогда в порыве страсти и смущения
Покрываю поцелуями печение,
И, дрожа от радости, я кричу Вам сам не свой:
— Ура, виват, Лидочка, Ваше
превосходительство мой!

1932?

49. ПРОЩАНИЕ

Два сердитые субъекта
расставались на Расстанной,
Потому что уходила
их любови полоса.
Был один субъект — девица,
а другой был непрестанно
Всем своим лицом приятным
от серженья полосат.

Почему же он сердился,
коль в душе его потухли
Искры страсти незабвенной
или как их там еще?
Я бы там на его месте
перестал бы дуть на угли,
Попрощался бы учтиво,
приподняв свое плечо.

Но мужчина тот холерик
был, должно быть, по натуре,
А девица — меланхолик,
потому что не орет.
И лицо его большое
стало темным от натуги,
Меланхолик же в испуге
стыдно смотрит на народ.

В чем же дело в этом деле?
Что за дьявольская сила
Их клещами захватила?
Почему нейдут домой?
На трамвай пятиалтынный,
попрощавшись, попросил он,
Но монеты больше нету,
лишь последняя — самой!

И решили эти люди,
чтобы им идти не скучно,
Ночевать у сей красотки,
и обоим — чтоб пешком.
И кончается довольно
примитивно этот случай,
И идут к ней на квартиру,
в переулок, на Мошков.

Ну а нам с тобой, поссорясь...
нам похожими вещами
Заниматься не придется —
мы с тобою мудрецы:
Если мы да при прощаньи
на трамвай да не достанем,
То пешком пойдем до дому.
Но — в различные концы.

1933

50. ЧАРЛЬЗ ДАРВИН

Чарльз Дарвин, известный ученый,
Однажды синичку поймал.
Ее красотой увлеченный,
Он зорко за ней наблюдал.

Он видел головку змеиную
И рыбий раздвоенный хвост,
В движениях — что-то мышиное
И в лапках — подобие звезд.

«Однако, — подумал Чарльз Дарвин, —
Однако синичка сложна.
С ней рядом я просто бездарен,
Пичужка, а как сложена!

Зачем же меня обделила
Природа своим пирогом?
Зачем безобразные щеки всучила,
И пошлые пятки, и грудь колесом?»

...Тут горько заплакал старик омраченный.
Он даже стреляться хотел!..
Был Дарвин известный ученый,
Но он красоты не имел.

1933

51. СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Шумит земляника над мертвым жуком,
В траве его лапки раскинуты.
Он думал о том, и он думал о сем, —
Теперь из него размышления вынуты.

И вот он коробкой пустою лежит,
Раздавлен копытом коня,
И хрящик сознания в нем не дрожит,
И нету в нем больше огня.

Он умер, и он позабыт, незаметный герой,
Друзья его заняты сами собой.

От страшной жары изнывая, паук
На нитке отдельной висит.
Гремит погремушками лук,
И бабочка в клюкве сидит.

Не в силах от счастья лететь,
Лепечет, лепечет она,
Ей хочется плакать, ей хочется петь,
Она вожделенья полна.

Вот ягода падает вниз,
И капля стучит в тишине,
И тля муравьиная бегает близ,
И мухи бормочут во сне.

А там, где шумит земляника,
Где свищет укроп-молодец,
Не слышно ни пенья, ни крика —
Лежит равнодушный мертвец.

1933

52. НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Т. Г. Г.

Вот птичка жирная на дереве сидит.
То дернет хвостиком, то хохолком пошевелит.
Мой грубый глаз яйцеподобный
В ней видел лишь предмет съедобный.

И вдруг однажды вместо мяса, перьев и костей
Я в ней увидел выражение божественных идей.

Перемените же и Вы по случаю рождения
Ко мне пренебрежительное отношение.

1933?

53. ТАМАРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Возле ягоды морошки
В галерее ботанической
На короткой цветоножке
Воссиял цветок тропический.

Это Вы — цветок, Тамара,
А морошка — это я.
Вы виновница пожара,
Охватившего меня.

1933?

54. СУПРУГЕ НАЧАЛЬНИКА
(НА РОЖДЕНИЕ ДЕВОЧКИ)

На хорошенький букетик
Ваша девочка похожа.
Зашнурована в пакетик
Ее маленькая кожа.

В этой крохотной канашке
С восхищеньем замечаю
Благородные замашки
Ее папы-негодяя.

Негодяя в лучшем смысле,
Негодяя, в смысле — гений,
Потому что много мысли
Он вложил в одно из самых
лучших своих произведений.

<1934>



Николай Олейников. Рисунок В. Дражевской.



Н. Олейников в группе детских писателей Фотография
Середина 30-х гг.

55. ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой.

Собака при виде меня не залает,
А только замашет хвостом,
И в жакте меня обласкает
Сердитый подлец управдом...

. . . .

Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.
Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?
Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо.
Я видел лицо негодяя,
Волос напомаженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал.

Я крикнуть хотел — и не крикнул.
Заплакать хотел — и не смог.
Привыкну, — сказал я, — привыкну.
Однако привыкнуть не мог.

Меня окружали привычные вещи,
И все их значения были зловещи.
Тоска мое сердце сжимала,
И мне же моя же нога угрожала.

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознанье мое разрывалось,
И мне не хотелося жить.

Я черного яду купил в магазине,
В карман положил пузырек.
Я вышел оттуда шатаясь,
Ко лбу прижимая платок.

С последним коротким сигналом
Пробьет мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас!

<1934>

56. МУХА

Я муху безумно любил!
Давно это было, друзья,
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Бывало, возьмешь микроскоп,
На муху направишь его —
На щечки, на глазки, на лоб,
Потом на себя самого.

И видишь, что я и она,
Что мы дополняем друг друга,
Что тоже в меня влюблена
Моя дорогая подруга.

Кружилась она надо мной,
Стучала и билась в стекло,
Я с ней целовался порой,
И время для нас незаметно текло.

Но годы прошли, и ко мне
Болезни сошлися толпой —
В коленках, ушах и спине
Стреляют одна за другой.

И я уже больше не тот.
И нет моей мухи давно.
Она не жужжит, не поет,
Она не стучится в окно.

Забытые чувства теснятся в груди,
И сердце мне гложет змея,
И нет ничего впереди...
О муха! О птичка моя!

<1934>

57. ТАРАКАН

Таракан попался в стакан.
Достоевский

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждет.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню «Тройка удалая».

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет — она поет.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печенка, кости, сало —
Вот что душу образует.

Есть всего лишь сочлененья,
А потом соединенья.

Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.

Вот палач к нему подходит,
И, ощупав ему грудь,
Он под ребрами находит
То, что следует проткнуть.

И, проткнувши, на бок валит
Таракана, как свинью.
Громко ржет и зубы скалит,
Уподобленный коню.

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат.
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат...

Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Все в прошедшем — боль, невзгоды.
Нету больше ничего.
И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: «Папа, папа!»
Бедный сын!

Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.

И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,
Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мертвый таракан —
Это мученик науки,
А не просто таракан.

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнет,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадет.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать.
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

<1934>

58. ИЗ ЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

В чертогах смородины красной
Живут сто семнадцать жуков,
Зеленый кузнечик прекрасный,
Четыре блохи и пятнадцать сверчков.
Каким они воздухом дышат!
Как сытно и чисто едят!
Как пышно над ними колышет
Смородина свой виноград!

<1934>

59: О НУЛЯХ

Приятен вид тетради клетчатой:
В ней нуль могучий помешен,
А рядом нолик искалеченный
Стоит, как маленький лимон.

О вы, нули мои и нолики,
Я вас любил, я вас люблю!
Скорей лечитесь, меланхолики,
Прикосновением к нулю!

Нули — целебные кружочки,
Они врачи и фельдшера,
Без них больной кричит от почки,
А с ними он кричит «ура».

Когда умру, то не кладите,
Не покупайте мне венок,
А лучше нолик положите
На мой печальный бугорок.

1934?

60

Маршаку позвонивши, я однажды устал.
И не евши, не пивши семь я суток стоял.
Очень было немило слушать речи вождя,
С меня капало мыло наподобье дождя.

А фальшивая Лида обняла телефон,
Наподобье болида закружилась кругом.
Она кисеи юлила, улещая вождя,
С ней не капало мыло наподобье дождя.

Ждешь единства —
Получается свинство.

1934?



Обложка журнала «Сверчок». 1937 г.

61—67. *ЖУК-АНТИСЕМИТ*

КНИЖКА С КАРТИНКАМИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

1-я КАРТИНКА

Птичка малого калибра
Называется колибри.

2-я КАРТИНКА

Жук

Ножками мотает,
Рожками бодает,
Крылышком жужжит:
— Жи-жи-жи-жи-жид! —
Жук-антисемит.

3-я КАРТИНКА

Разговор Жука с Божьей коровкой

Божья коровка:

В лесу не стало мочи,
Не стало нам житья:
Абрам под каждой кочкой!

Жук:

— Да-с... Множество жидья!

4-я КАРТИНКА

Осенняя жалоба Кузнечика

И солнышко не греет,
И птички не свистят.
Одни только евреи
На веточках сидят.

5-я КАРТИНКА

Зимняя жалоба Кузнечика

Ох, эти жидочки!
Ох, эти пройдохи!
Жены их и дочки
Носят только дохи.

Дохи их и греют,
Дохи и ласкают,
Кто же не евреи —
Те все погибают.

6-я КАРТИНКА

Разговор Жука с Бабочкой

Жук:

— Бабочка, бабочка, где же ваш папочка?

Бабочка:

— Папочка наш утонул.

Жук:

— Бабочка, бабочка, где ж ваша мамочка?

Бабочка:

— Мамочку съели жиды.

7-я КАРТИНКА

Смерть Жука

Жук *(разочарованно):*

Воробей — еврей,
Канарейка — еврейка,
Божья коровка — жидовка,
Термит — семит,
Грач — пархач!
(Умирает.)

<1935>

68—78. *В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ*

(МЫСЛИ ОБ ИСКУССТВЕ)

1. ПОРТРЕТ ВОЕННОГО

Через плечо висит на перевязи шпага, а на талии
Крючками укреплен широкий пояс из тисненой
кожи.
Рука военного покоится на пистолетном ложе,
Украшенном резным изображением баталии.

2. ПОРТРЕТ ИАКОВА I

(работы Рубенса)

Король Британии сидит на облаке,
ногою левой попирая мир.
Над ним орел, парящий в воздухе,
сжимает молнии в когтях.
Два гения — один с огромной чашей,
Похожею на самовар,
Другой — с жезлом серебряным в руках —
Склоняются к ногам непобедимого владыки.
Внизу вдали идут в цепях закованные пленники.

3. НИМФЫ

(картина Абрагама ван Кейленборха)

В обширном гроте, в глубине его, сидят на камнях
две полунагие нимфы.
В корзине возле них лежит колчан со стрелами и
лук.
Держа в руках ореховую ветку, третья нимфа
Взлетает вверх на каменную глыбу,
Покрытую малиновою драпировкой.
Тут же, на переднем плане, — две собаки.
Одна из них схватила кость, другая — лает.
Через широкое отверстие, проделанное в гроте,
открывается пейзаж.
Вдали синеют горы, ближе — озеро сверкает и
ручей.
В ручье купаются еще четыре нимфы,- из которых
две сидят верхом на спинах у других.

4. ПЬЯНИЦА

(картина Красбека)

В убогой горнице перед пылающим камином
Сидит на стуле человек.
Его кровать, покрытая когда-то балдахином,
Стоит в углу, забытая навек.
Сидящий трубку курит и мечтает,
Прилежно глядя на огонь.
Слуга вино ему из глиняной посуды наливает,
Забрав стакан в широкую ладонь.
Мужик схватил другой стакан и смотрит.
Через стекло любуяся вином...
Слуга молчит, желая приободрить хозяина.

5. ПРИТЧА О РАБОТНИКАХ В ВИНОГРАДНИКЕ

(картина художника Конинка)

В просторном помещении со сводами сидит
хозяин виноградника.
Его изобразил художник в виде пожилого
человека,
Носящего тюрбан из полотна
и черную одежду.
Хозяин смотрит на работника и делает рукою
жест, изображающий отказ.
Работник не уходит. Он,
как бы глазам своим не веря,
Глядит на собственную руку, на ладонь,
Куда хозяин положил монету,
Награду скудную за нерадивый труд.
Товарищи работника — их четверо — поспешно
удаляются, почти бегут
Направо к выходу, где в темном отдаленье
виднеется еще одна фигура —
Фигура старика в высокой красной шапке
и с кошельком в руках.
Он улыбаяся укладывает деньги в кошелек.
А рядом с ним с раскрытой книгою стоит
Конторщик молодой и стоя что-то пишет в книге.

6. ХУДОЖНИКА ЗАПАМЯТОВАЛ

В раскинутой под деревом палатке
Сидят за столиком две дамы и солдат.
Вокруг разбросаны тюки и седла в беспорядке.
В углу бочонки с порохом стоят.

7

Среди фигурок можно различить военачальника
в расшитой епанче,
Его коня, его немногочисленную свиту,
Его врагов — двух всадников, съезжающих
с холма в цветущую долину.
У одного из них мы видим на плече
Висящую на ленте мандолину.

8. ОПЯТЬ ВОЕННОЕ

На всем скаку из пистолета
Стреляет в пешего солдат.
На нем винтовочка надета
И бомбы-дьяволы висят.
А рядом труп кавалериста...
В ушах звенит призыв горниста.

9. ОПИСАНИЕ ЕЩЕ ОДНОЙ КАРТИНЫ

А. Мадонна держит каменный цветок гвоздики
В прекрасной полусогнутой руке.
Младенец, сидя на земле с букетом повилики,
Разглядывает пятнышки на мотыльке.
Мадонна в алой мантии и синей ризе,
И грудь ее полуобнажена.
У ног младенца поместились на карнизе
Разрезанный лимон и рюмочка вина.

Б. В одной руке младенец держит ножик,
В другой — разрезанный лимон.
Козленок с парою коротких ножек
Стоит невдалеке, петрушкою пленен.

Одетый в желтую одежду
И с черной меховою шапкою на голове,
Стоит Иосиф, как невежда,
Читая книжечку, раскрытую в траве.

В. В желтой одежде Иосиф
С шапкою черной в руке,
Цепь золотую отбросив,
Молча стоит вдалеке,
Радуясь свежей обновке —
В шитых цветах епанча
(Сзади висят драпировки,
Бархат, сукно и парча,
Книга раскрыта большая,
Крупный разрезан лимон),
Левой ногой попирая
Ящик, рога и баллон.

10. НУ И НУ!

В пурпуровой мантии в черной норе,
В пещере на камне устроился Лот.
А рядом — одна из его дочерей
Сидит, оголивши живот.

Другая — вино виноградное льет
Из чаши стеклянной в сосуд золотой,
И голую ногу к нему на колени
Она, прижимаясь, кладет.

Вдали погибающий виден Содом,
Он пламенем красным объят.
И в красных рубахах, летя над костром,
Архангелы в трубы трубят.

II. ВЫВОДЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

1. Эффект полуденного освещения
Сулит художнику обогащение.

2. Разврата плечи белые
На вид для взгляда таковы,
Что заставляют взоры смелые
Спускаться ниже головы.

3. У одного портрета
Была за рамой спрятана монета.
Немало наших дам знакомых
Вот так же прячут насекомых!

1936



Н. ОЛЕЙНИКОВ

ПОРТРЕТ

(Рассказ школьника)

Фрагмент титульного листа книги Н. Олейникова «Портрет». 1937 г.

79

Графин с ледяною водою.
Стакан из литого стекла.
Покрыт пузырьками пузырь с головою,
И вьюга меня замела.

Но капля за каплею льется —
Окно отсырело давно.
Водою пустого колодца
Тебя напоить не дано.

Подставь свои губы под воду —
Напейся воды из ведра.
Садися в телегу, в подводу —
Кати по полям до утра.

Душой беспредельно пустою
Посметь ли туман отвратить
И мерной водой ключевою
Холодные камни пробить?

1937

80

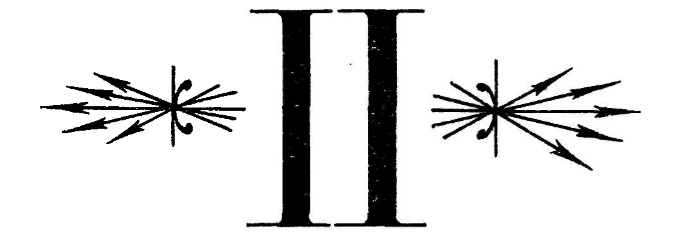
Птичка безрассудная
С беленькими перьями,
Что ты все хлопочешь,
Для кого стараешься?
Почему так жалобно
Песенку поешь?
Почему не плачешь ты
И не улыбаешься?
Для чего страдаешь ты,
Для чего живешь?
Ничего не знаешь ты, —
Да и знать не надо.
Все равно погибнешь ты,
Так же, как и я.

1937

81

Неуловимы, глухи, неприметны
Слова, плывущие во мне, —
Проходят стороной — печальны, бледные, —
Не наяву, а будто бы во сне.
Простой предмет — перо, чернильница, —
Сверкая, свет прольют иной.
И день шипит, как мыло в мыльнице,
Пленяя тусклой суетой.
Чужой рукой моя рука водила:
Я слышал то, о чем писать хотел,
Что издавало звук шипенья мыла, —
Цветок засохший чистотел.

1937


II



82. ВУЛКАН И ВЕНЕРА

(Мифологическое)

1

Спускался вечер. Жук, летая,
Считал улепетнувших мух.
И воробьев крикливых стая
Неслася в гору во весь дух.

Вулкан опушку пересек.
На ней стоял высокий домик
двухэтажный.
Шел из трубы, клубясь, дымок.
Из-за забора лаял пес отважный.

2

Венера в комнате лежала.
Она лежала у окна.
Под ней — постель и покрывало.
А ночь уже была темна.

Вверху пустое небо блещет.
Светильник в комнате чадит.
Огонь, как бабочка, трепещет.
Венера смотрит и молчит.

Она любуется звездою.
Звезда мерцает и горит.
Венера белою рукою
Открыть окошечко спешит.

В яйце попугая сидит кривоносая
Длиннохвостая птица свернувшись в клубок (крючок)
Скорлупу разобьет как бумагу кинет
[illegible]
Лапка — гвоздики глазки · кружок
и сядет меж звезд [illegible]
Залетает на ветку и снег как звезду отряхает
Ледяные опилки железом звенят
Где навалено снегу, где крыша большая
Накрывают собой медвежат
Где широкою лапой охвачено озеро
Где опушки под склон [illegible]
с усами как стрелки минутные
Вулкан опушку пересек
На ней стоял [illegible] двухэтажный
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Длиннохвостая птица

Черновой автограф Н. Олейникова с текстом второй строфы поэмы «Вулкан и Венера».

3

Венера ручкой замахала.
— Уйди, уйди! — она кричит.
— Гони скорей его, нахала, —
Она служанке говорит.

Он смело лезет прямо в окна.
Секунды нет — а он уж здесь.
Венера дергает волокна
И говорит ему: — Не лезь!

4

Вулкан-красавец — с нею рядом.
Он за руку ее берет,
И под его тяжелым взглядом
Она дышать перестает.

Ее огонь желанья душит.
Рукой служанке давши знак,
Она сама светильник тушит,
И комнату объемлет мрак.

Служанка, выскользнув за двери,
Спешит оставить их вдвоем,
Дабы они при ней, как звери,
Срамной не начали содом.

Рукою жадною хватает
Вулкан красавицу за грудь.
Она его отодвигает,
Иной указывая путь.

5

Проходит час, другой проходит.
Опять открылося окно,
И в эту дверь Вулкан уходит —
Ему домой пора давно.

И вот она опять одна.
Во мраке ночи — тишина.

6

Еще немного. Ветер жгучий
В окно открытое подул.
На небе из тяжелой тучи
Огонь малиновый сверкнул.

Как речка с многими ручьями,
Из тучи молния текла.
Весь мир был освещен свечами
На краткий миг. И снова — мгла.

Вдруг ветра бег остановился,
И присмирели ветви вдруг.
И гром огромный прокатился,
В сердца зверей вселив испуг.

Поверхность вод пошла кругами,
И капли первые дождя
В листы ударили руками,
Кусты и травы бередя.

И дождь пошел холодный, крупный,
И горсти капель мчались вниз
И крепость листьев неприступных
Громили с грохотом в карниз.

Во мраке темные деревья
Стучали сучьями в стекло,
И туч свинцовые кочевья
Холодным ветром понесло.

И гром гремел, сады украсив,
Свой гнев смиряя иногда.
И ледяной струей лилася
Из труб железная вода.

7

Пучками молнии украшенный,
Казалось, двигался с трудом
Многоэтажный, многобашенный
На четырех колесах гром.

И капли, силой натяжения
Приобретая форму шара,
Летели вниз, призвав кружение,
Под ослабевшие удары.

Дул ветер, жалкий и бескровный,
И дождик шел, спокойный, ровный.

8

Вулкану летний лес казался
Сооруженьем из воды и серебра.
Он шел и листьев чуть касался.
Там чижик шумно умывался,
Проникнув в куст до самого нутра.

И капли, собранные в ветки,
Висели прямо над землею.
Паук дремал в алмазной сетке,
Мохнатой шевеля ногою.

1937

83. ПУЧИНА СТРАСТЕЙ

(Философская поэма)

ПРОЛОГ

Вот вам бочка —
Неба дно.
Вот вам точка —
Вот окно.
Это звезд большая кружка,
А над ней
Нарисована игрушка —
Туз червей.
И сверкают в полумраке
Стекла — множители звезд.
Телескопы, как собаки,
У кометы ищут хвост.

1

Я стою в лесу, как в лазке,
Среди множества вещей.
Вижу смыслы в каждой травке,
В клюкве — скопище идей.

На кустах сидят сомненья
В виде черненьких жуков,
Раскрываются растенья
Наподобие подков.

И летят ко мне навстречу,
Раздуваясь от жары,
Одуванчики, как свечи,
Как воздушные шары.

Черновой автограф Н. Олейникова «Финала» поэмы «Пучина страстей».

Надо мной гудит машина —
Это шмель ко мне летит,
И шумит, шумит осина,
О прошедшем говорит.

И тебя, моя Наташа,
Вижу я в одном цветке.
У тебя на шее кашка
И настурция в руке.

Я сажусь и забываю
Все, что было до меня,
И тихонько закрываю
Очи, полные огня.

2

Лампа — ласточка терпенья.
Желудь с веткою высок.
В деревах столпотворенье,
Под водой лежит песок.

Над водой последний кормчий
Зажигает свой фонарь.
Птицы злей, тюленя зорче,
Вылезает пономарь.

Распустив кусты и ветки,
На крыльце сидит павлин.
На окошке вместо клетки
Повисает георгин.

Рядом — мраморная ваза
И развесистый каштан.
Соловьем пропета фраза
О пришествии мидян.

Наклонил репейник шапку,
Где пчела шипит, как змей,
Шмель, захваченный в охапку,
Выползает из стеблей.

На дубовую вершину
Сели птица с мотыльком,
Превосходную картину
Составляючи вдвоем.

Дама, сняв свои пеленки,
Сделав доступ ветерку,
Поливает из воронки
Племя листьев табаку.

Прямо к дереву из мрака
Лошадь белая бежит.
Это конная атака —
Кавалерия спешит.

Налетают командиры,
Рубят травы и цветы,
На лошадках; их мундиры
Полны высшей красоты.

Вот уже последний конный,
Догоняя их, спешит,
И опять низкопоклонный
Ветер травку шевелит...

Рядом с маленькой постройкой,
С невысокою стеной
Ходит с мутною настойкой
Человечек холостой.

3

Где под вывеской железной
Крест и ножницы висят,
Где на стуле бесполезный
Золотой лежит наряд,

Там внизу, в траве широкой,
В глубине стеблей сквозных,
Жук сидит по воле рока,
Притаившийся, как мних.

И в цветка дворец открытый
Забирается с утра,
Словно в банку иль в корыто,
Золотая мошкара.

4

В замке с белыми стенами
За оградою сквозной,
Окруженною кустами,
Гусь спешит на водопой.

В той гостинице Елена,
Распустив свои власы
На роскошные колена,
Испугалася осы.

Спрятав крылья между плечик
И коленки подобрав,
На цветке сидит кузнечик —
Музыкант и костоправ.

На груди его широкой
Черный бархатный камзол.
Он под яблоней высокой
Стебелек себе нашел.

И к нему Мария-муха
Задыхаяся летит.
И, целуя его в ухо
(Непотребная старуха,
Но красавица на вид),
И, целуя его в ухо,
Задыхаяся, кричит:

— Дайте мне, — кричит Мария, —
Дайте мяса и костей,
Дайте ключ времен Батыя
К отысканию путей!

И, решетку распирая,
Отворивши ворота,
Он заходит в двери рая,
Позабыв свои лета...

Виснет ветвь с орехом грецким,
Камень падает на дно.
В светлом платьице немецком
Вылетает жук в окно.

Позабыв свою тревогу
И сомнений целый ряд,
Выбегает на дорогу
Барабанщиков отряд.

— Здравствуй, здравствуй, —
закричали
Барабанщики ему. —

Мы в конце, а вы в начале
Прибегаете к уму!

И тогда лесная челядь —
Комары и мошкара, —
Закричавши, налетели
Громко с криками «ура».

И в роскошном отдаленьи,
Шесть коленок вверх подняв,
Замирает в восхищеньи
Знаменитый костоправ.

5

Геометрия — причина
Прорастания стеблей.
Перед бабочкой — пучина
Неразгаданных страстей.

Все, что видел я и слышал,
Перевернуто в уме.

...И, когда на люди вышел,
Не мечтал он о суме.

Легким циркулем прекрасным
Очертивши круг в цветке,
Он его платочком красным
Сделал в Катиной руке...

Тигры воют на поляне,
Стрекоза гремит, как гром, —
Это русские древляне
Заколачивают дом,

Это почерком превратным
Посетитель искушен,
Это вечер необъятный
Прихорашивает жен...

Поручители смеялись,
Банку пороха взорвав,
Потому что испугались
Стрекоза и костоправ.

ФИНАЛ

Как букварь читает школьник,
Так читаю я в лесу.
Вижу в листьях — треугольник,
Колесо ищу в глазу.

Вижу, вижу, как в идеи
Вещи все превращены.
Те — туманней, те — яснее,
Как феномены и сны.

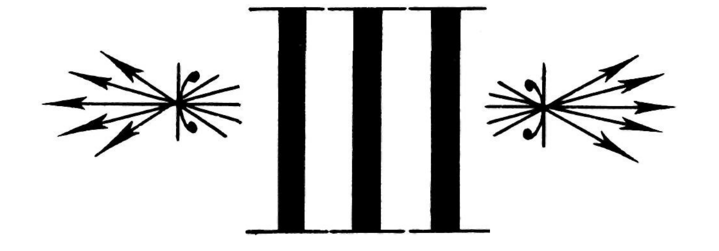
Возникает мир чудесный
В человеческом мозгу.
Он- течет водою пресной
Разгонять твою тоску.

То не ягоды не клюквы
Предо мною встали в ряд —
Это символы и буквы
В виде желудей висят.

На кустах сидят сомненья
В виде галок и ворон,
В деревах — столпотворенье
Чисел, символов, имен.

Перед бабочкой пучина
Неразгаданных страстей...
Геометрия — причина
Прорастания стеблей.

1937


III



84. ДЕТСКИЕ СТИХИ

Весел, ласков и красив,
Зайчик шел в коператив.

25 апреля 1926

Детские стихи

Весел ласков и красив
Зайчик шел в коператив.

Н. Олейников

25/IV-1926 г

Автограф «Детских стихов» Н. Олейников («Чукоккала», 1979)

85

Целование шлет
Николай Олейников
С кучей своих нахлебников:
Макара Свирепого,
Кравцова и Н. Технорукова,
Мавзолеева-Каменского
и Петра Близорукого,
Славной шестерки в одном лице —
«Забойской артели» —
на донецкой земле!

1928

86. АЛИСЕ

Однажды, яблоко вкусив,
Адам почувствовал влеченье,
И, Бога-папу не спросив,
Он Еве сделал предложенье.

А Ева, опустив глаза
(Хоть и ждала мгновенья эти),
Была строптива, как коза:
— Зачем в Раю нам, милый, дети?

Адам весь выбился из сил:
Любви и страсти он просил.
Всевышний же понять не мог —
Кто он теперь — Бог иль не Бог.

В любви Адам был молодцом.
Он не ударил в грязь лицом.

1928

87. К. И. ЧУКОВСКОМУ ОТ АВТОРА

I

Муха жила в лесу,
Муха пила росу,
Нюхала муха цветы
(Нюхивал их и ты!).
Пользуясь общей любовью,
Муха питалась кровью.
Вдруг раздается крик:
Муху поймал старик.
Был тот старик паук —
Страстно любил он мух.

II

...Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка...

Видела муха лес,
Полный красот и чудес:
Жук пролетел на закат,
Жабы в траве гремят,
Сыплется травка сухая.
. . . .
Милую жизнь вспоминая,
Гибла та муха, рыдая...

III

...И умирая.

IV

Доедает муху паук.
У него 18 рук.
У нее ни одной руки,
У нее ни одной ноги.
Ноги сожрал паук,
Руки сожрал паук.
Остается от мухи пух.
Испускает тут муха дух.

V

Жизнь коротка, коротка,
Но перед смертью она сладка.

А в т о р !

<1929>

88

И вот с тобой мы, Генриетта, вновь.
Уж осень на дворе,
                    и не цветет морковь.
Уже лежит в корзине Ромуальд,
И осыпается der Wald.

Асфальт, асфальт, я по тебе ступал,
Когда в шестой этаж
                    свой легкий торс вздымал.
. . . .
. . . .

Я должен умереть, я — гений,
Но сдохнет также Шварц Евгений!

1929

89

Утром съев конфету «Еж»,
В восемь вечера помрешь!

1929

90*

Залетела в наши тихие леса
Полосатая, усатая оса.
Укусила бегемотицу в живот.
Бегемотица в инфаркте — вот умрет.

А оса уже в редакции кружится,
Маршаку всадила жало в ягодицу.
И Олейников от ужаса орет,
Убежать на Невский Шварцу не дает.

Искусала бы оса всех не жалея,
Если б не было здесь автора Корнея.

Он ногами застучал,
На осу он накричал:
«Улетай-ка вон отсюда ты, оса,
Убирайся в свои дикие леса!»
. . . .

А бегемотица лижет живот.
Он скоро, он скоро, он скоро пройдет.

1929

91

Жили в квартире
Сорок четыре
Сорок четыре
Тщедушных чижа:

Чиж-алкоголик,
Чиж-параноик,
Чиж-шизофреник,
Чиж-симулянт.

Чиж-паралитик,
Чиж-сифилитик,
Чиж-маразматик,
Чиж-идиот.

1930

92. ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА ДЛЯ ГОСТЕЙ РИНЫ ЗЕЛЕНОЙ

Берите вилку в руку левую,
А нож берите в руку правую;
За стол садяся рядом с девою,
Не жмите ног ее своей ногой корявою.

1930?

93*

Улица Чайковского,
Кабинет Домбровского.
На столе стоит коньяк,
За столом сидит Маршак.

— Подождите, милый друг,
Несколько минуток.
Подождите, милый друг,
Уложу малюток.
Не хотят малютки спать,
Залезают под кровать...
Колыбельная пропета.
Засыпает Генриетта.

В одиночестве Маршак
Допивает свой коньяк.

В очень поздний час ночной
Злой, как аллигатор,
Укатил к себе домой
Бедный литератор.

Улица Чайковского,
Кабинет Домбровского.
На столе стоит портвейн,
За столом сидит Вайнштейн.

— Подождите, милый друг,
Несколько минуток.
Подождите, милый друг,
Уложу малюток.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

В одиночестве Вайнштейн
Допивает свой портвейн.

И всю ночь один сидел
Старичок наркоминдел.

1931

94

В твоих глазах мелькал огонь.
Ты протянула мне ладонь.

Дыханье дня
Ты подарила,
Давно меня
Ты загубила.

Спустя лишь год
Узнаешь ты,
Поймешь полет
Моей мечты.

В моих глазах
Увидишь свет,
Увидишь «да»,
Увидишь «нет».

Моя любовь
К тебе — секрет.
Не дрогнет бровь
И сотни лет.

Пройдут года,
Пройдет любовь,
Но никогда
Не дрогнет бровь.

Тебя узнав,
Я все забыл,
И средь забав
Я скучен был.

Мне стал чужим весь белый свет —
Я каждой даме молвлю: нет!

1932

95.* НА ИМЯНИНЫ ХИРУРГА ГРЕКОВА

Привезли меня в больницу
С поврежденною рукой.
Незнакомые мне лица
Покачали головой.

Осмотрели, завязали
Руку бедную мою,
Положили в белом зале
На какую-то скамью.

Вдруг профессор в залу входит
С острым ножиком в руке,
Лучевую кость находит
Локтевой невдалеке.

Лучевую удаляет
И, в руке ее вертя,
Он берцовой заменяет,
Улыбаясь и шутя.

Молодец профессор Греков,
Исцелитель человеков!
Он умеет все исправить,
Хирургии властелин.

Честь имеем Вас поздравить
Со днем Ваших имянин.

<1933>

96. ЛИДЕ

(НАДПИСЬ НА КНИГЕ)

Прими сей труд.
Он красотой напоминает чай.
Читай его.
Скорби.
Надейся.
Изучай.
Но пожалей несчастного меня,
Смиренного редактора Макара,
За то, что вместо пышного пучка огня
Я приношу тебе лишь уголь тлеющий из
самовара.
Сей самовар — мое к вам отношение,
А уголь — данное стихотворение.

<1934>

97. ЛИДЕ
(СЕМЕЙСТВУ ЖУКОВЫХ)

Среди белых полотенец
На роскошном тюфяке
Дремлет дамочка-младенец
С погремушкою в руке.

Ровно месяц эта дама
Существует среди нас.
В ней четыре килограмма,
Это — девочка-алмаз.

А теперь, друзья, взгляните
На родителей Наташи:
У нее папаша — Митя,
Лидой звать ее мамашу.

Поглядите, поглядите
И бокалы поднимите.

1934

Перечень расходов на одного делегата.

Рупь
На суп
Трешку
На картошку x)
Пятерку
На тетерку
Десятку
На куропатку xx)
Сотку
На водку
И тысячу рублей —
На удовлетворение страстей

Н. Оле[illegible]
Е. Шварц

x) Вариант — на тешку
xx) Вариант — на шоколадку (мармеладку)

Автограф стихотворения «Перечень расходов на одного делегата» («Чукоккала», 1979), написано в соавторстве с Е. Шварцем.

98.* ПЕРЕЧЕНЬ РАСХОДОВ НА ОДНОГО ДЕЛЕГАТА

Руп —
На суп.
Трешку —
На картошку *.
Пятерку —
На тетерку.
Десятку —
На куропатку **.
Сотку —
На водку.
И тысячу рублей —
На удовлетворение страстей.

1934

---

* Вариант — на тешку.
** Вариант — на шоколадку (мармеладку).



Янина Жеймо. Из фотосерии «Мастера советского искусства».

99*

От Нью-Йорка
                    и до Клина
На устах у всех — клеймо
Под названием
                    Янина
Болеславовна Жеймо.

1934?

100

Вот как начнешь подумывать
да на досуге размышлять,
То видишь наконец, что точно —
надобно жениться.
Женатый человек
способен жизни назначенье понимать,
И для него все это как-то движется,
все испаряется и как-то все стремится.
Жениться, обязательно жениться!

Вот как начнешь подумывать
да на досуге размышлять,
То видишь, что женатый человек
тяжелое к себе на спину взваливает бремя.
А впрочем, может быть, наскучил вам...
Тогда не стану продолжать.
Позвольте...
как-нибудь
в другое время...

Все вышеперечисленное вы
увидите в картине,
Которая еще не шла доныне.
На днях пойдет.
Спешите видеть.
Чтобы добро понять и зло возненавидеть.

1934?



Н. Олейников на встрече с читателями.
Фотография. Начало 30-х гг.

Дорогой Корней Иванович

С каким восторгом я увидел сегодня
как вы входили в эту столовую

Ура! Весь ваш

Н. Олейников

Автограф записки Н. Олейникова К. Чуковскому. 1934 г.



Обложка журнала «Чиж». 1934 г.

101. ВЕРОЧКЕ

Верочка, Верочка!
Ваше кокетство
Нужно бы
Попридержать.

Вы применяете
Средства,
Коих нельзя
Применять.

Вы покоряете
Сразу
Всех окружающих
Вас.

Сеете страсть,
Как заразу,
Будучи сами —
Алмаз.

<1937>



РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

I-ЮБ № 015412

Гр. Олейников
(фамилия)
Николай Макарович
(имя, отчество)
умер(ла) 5 мая тысяча девятьсот сорок второго года.
(прописью и цифрами год, месяц и число)
возраст 44 г.
Причина смерти возвратный тиф
о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти 19 56 года октябре месяца 2 числа
произведена соответствующая запись за № 78
Место смерти: город, селение не указано
район — область, край,
республика
Место регистрации: Дзержинский загс
(наименование и местонахождение бюро ЗАГС)
Дата выдачи 2 октябре 1956 г.

М.П.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния

Гознак. 1950.

Свидетельство о смерти Н. М. Олейникова. 1956 г.



Исп. вх. №

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

5 . июля 1957 г.
№ 2/5-25374-37.
Москва, центр, ул. Кирова, 41

При ответе ссылайтесь на наш номер и дату

Гражданке ОЛЕЙНИКОВОЙ Ларисе Александровне

гор. Одесса, ул.Энгельса,
№ 54, кв.4.

Сообщаю, что проверка по делу Вашего мужа Олейникова Николая Макарьевича Главной военной прокуратурой окончена и его дело вместе с протестом Главного военного прокурора направлено для окончательного разрешения в Военную Коллегию Верховного суда СССР, откуда Вам и следует ожидать ответ.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ОТДЕЛА ГВП
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

(ТИЩЕНКО)

вр

Справка Главной военной прокуратуры о завершении проверки по делу Н. М. Олейникова. 1957 г

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
ВОРОНЕЖСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

IX «сентября» 1957 г.
№ 39/3833

ГР-КЕ ОЛЕЙНИКОВОЙ Л.А.

гор. Одесса ул. Энгельса дом 54
кв 4.

Направляю справку о реабилитации Вашего мужа – ОЛЕЙНИКОВА Николая Макарьевича.

На основании постановления Совета Министров СССР № 1655 от 8.9-55 года Вы имеете право получить двухмесячную зарплату своего мужа по месту его последней работы до ареста.

ПРИЛОЖЕНИЕ: справка на 1 листе.

ВРИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
ВОРОНЕЖСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/ БАРЫШОВ /

исп. Дерюжкина
д. 616, ами

Сопроводительное письмо Военного трибунала Воронежского военного округа. 1957 г.

Дорогие мои Рарочка и Сашенька.

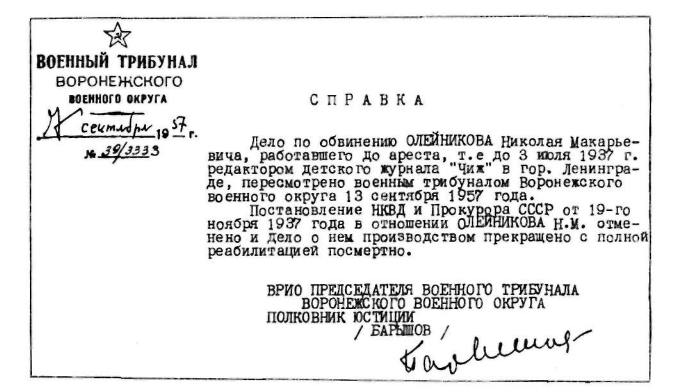
Целую вас, посылаю вам привет. Рарочка, чувствую я себя хорошо, все время думаю о вас. Наверное Сашенька уже говорит хорошо, а ходит еще лучше.

Рарочка, если можешь, то приготовь и передай мне следующее: белье, носки, одеяло (легкое) подушку маленькую, полотенце, мыло (туалетное и хозяйственное) зубную щетку, зубной порошек, пальто и несколько маленьких мешочков (для сахара, песка, рафинада и т.п.) и наконец простыню вот и все.

Целую вас обоих, люблю, думаю о вас постоянно.

2 августа 1937 г. Коля.

Письмо Олейникова из следственной камеры. 2 августа 1937 г.



ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
ВОРОНЕЖСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА
17 сентября 1957 г.
№ 39/3333

СПРАВКА

Дело по обвинению ОЛЕЙНИКОВА Николая Макарьевича, работавшего до ареста, т.е до 3 июля 1937 г. редактором детского журнала "Чиж" в гор. Ленинграде, пересмотрено военным трибуналом Воронежского военного округа 13 сентября 1957 года.

Постановление НКВД и Прокурора СССР от 19-го ноября 1937 года в отношении ОЛЕЙНИКОВА Н.М. отменено и дело о нем производством прекращено с полной реабилитацией посмертно.

ВРИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
ВОРОНЕЖСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/ БАРЫШОВ /
Барышов

Справка о реабилитации Н. М. Олейникова. 1957 г.

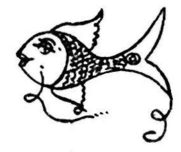
102

Нежный лобик в преизбытке
Покрывают волоса.
На лице, как на открытке,
Нарисованы глаза.

Кто такая эта дуся,
Статуэточка точь-в-точь?
Ох, боюся! Ох, боюся:
Это Буревого дочь.

1937

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ



ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Обложка сборника стихов И. Олейникова, изданного в Нью-Йорке. 1982 г.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК"

Алексей РЕМИЗОВ. Кукха. Розановы письма
Константин ВАГИНОВ. Козлиная песнь.
Константин ВАГИНОВ. Труды и дни Свистонова
Василий АКСЕНОВ. Затоваренная бочкотара. Рандеву.
Александр ЧАЯНОВ. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии
Сергей ДОВЛАТОВ. Компромисс
Альманах „Часть речи".
Михаил БУЛГАКОВ. Записки на манжетах.
Николай ОЛЕЙНИКОВ. Иронические стихи
Венедикт ЕРОФЕЕВ. Глазами эксцентрика
Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Мое завещание
Аполлинария СУСЛОВА. Годы близости с Достоевским
Маркиз де КЮСТИН. Записки о России
Василий ЯНОВСКИЙ. Американский опыт
Владислав ХОДАСЕВИЧ. Белый коридор, воспоминания
Владислав ХОДАСЕВИЧ. Колеблемый треножник, статьи
Яков ГОЛОСОВКЕР. Достоевский и Кант
Андрей ПЛАТОНОВ. Впрок
Михаил БАХТИН. Формальный метод в литературоведении
Михаил БАХТИН. Фрейдизм
Михаил ГЕРШЕНЗОН. Судьбы еврейского народа
Даниил ХАРМС. Из дома вышел человек
Леонид ДОБЫЧИН. Встречи с Лиз
Андрей НИКОЛЕВ. Елисейские радости
Марк СЛОНИМ. Марина Цветаева в Праге и в Париже
Б. ФОНДАН. Разговоры с Шестовым

SILVER AGE PUBLISHING
P. O. Box. 384 Rego Park, N.Y. 11374

Извещение о выходе сборника Н. Олейникова в перечне книг, выпускаемых издательством «Серебряный век». США, 1982 г.

103—113. *ФРАГМЕНТЫ*

1

Я числа наблюдаю чрез сильнейшее стекло
И вижу тайные проходы, коридоры,
Двойные числа Отделенных друг от друга.

Я положил перед собой таблицу чисел
И ничего не мог увидеть — и тогда
Я трубку взял подзорную и глаз
Направил свой туда, где по моим
Предположениям должно было пройти
Число неизреченного...

2

Великие метаморфические силы
Присутствуют в предметах странной формы.
Их тайное прикосновение еще не ощущает
наблюдатель
В своем невидимом жилище с красной крышей,
Разглядывая небо в телескопы.

Но незначительны оптические средства,
Все превращения безмолвно протекают.
. . . .
Да сократится расстояние меж нами,
Шаги могущества я слышу в вашем шаге.

И твердь простерла свой покров над лугом —
Через него меня никто не видит.

3

Рассмотрим вещи те, что видим пред собою:
Что на столе лежит,
Что к потолку подвешено над головою,
Чернильницу с чернилами,
перо холодное стальное,
И ножницы блестящие,
и тусклые ключи,
И лампу пустотелую стеклянную...

4

И пробудилося в душе его стремление
Узнать число частей животного и их расположение,
Число и способ прикрепления одних к другим.
Все это он исследовал, вскрывая
Животных — мертвых и живых...

5. Я ЧИСЛА ПЕРЕНОШУ С МЕСТА НА МЕСТО

С места на место
Числа простые
Он переносит
Зерна пустые.

6

Тихо горели свечи.
Вышла ты в зимний сад.
В белые голые плечи
Снег и крупа летят.



Научная библиотека им М Горького
ЛГУ им А.А Жданова
Среда, 3 декабря 1986 г

Литературный вечер,
посвященный 90-летию
со дня рождения
Евгения Львовича Шварца
(1896–1958)

В вечере принимают
участие:
Володин А.М.
Воропаев Г.И.
Милиндер Л.М.
Молдавский Д.М.
Олейников А Н

Вечер ведет Е.С. Калмановский
Начало в 16°° Актовый зал ЛГУ

Пригласительный билет на вечер памяти Е. Л. Шварца. 1986 г.

Уважаемый товарищ!

Центральный Дом литераторов
им. А. А. Фадеева

приглашает Вас

на

ВЕЧЕР

из цикла

**«АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»**

Поэт
Николай ОЛЕЙНИКОВ

Ведет
Евгений РЕЙН

Выступления

**ПОЭТОВ
и
ПЕРЕВОДЧИКОВ
ЛЕНИНГРАДА И МОСКВЫ**

Вечер состоится

в понедельник, 21 марта 1988 г.

в Малом зале ЦДЛ.

Начало в 19 часов.

Адрес: ул. Герцена, 53

Зак. 931-88 г. Типография ВМО Тир

Пригласительный билет на вечер памяти Н. Олейникова. 1988 г.

7

Борис Чирков, тебе
Исполнилось и тридцать и четыре.
Зенита ты достиг.
Тебе в твоей квартире...

8

Воображения достойный мир
передо мною расстилался.
Лапками своими задумчиво кузнечик шевелил.
Я плакал в тишине, и я смеялся.

9

Четырехгранный красный стебель мяты
И пятизубчатый цветок ее,
В колосья собранный...

10

Плодов и веток нумерация,
Когда рассыплет лист акация,
Плодов места определив,
Места для птиц, места для слив,
Отметит мелкие подробности,
Неуловимые для глаза,
Стволы и лист разбив на области
Четыре раза...



Н. Олейников. Фотография. Вторая половина 30-х гг.

11

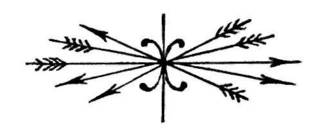
Осенний тетерев-косач,
Как бомба, вылетает из куста.
За ним спешит глухарь-силач,
Не в силах оторваться от листа.
Цыпленок летний кувыркается от маленькой
дробинки
И вниз летит, надвинув на глаза пластинки.

. . . .
. . . .

Перелетая с севера на юг,
Всю жизнь проводит он под пологом ветвей,
Но, по утрам пересекая луг,
Он вспоминает дни забытых глухарей.

1935—1937

ПРИМЕЧАНИЯ





Настоящее издание представляет собою наиболее полное собрание стихотворных произведений Николая Олейникова.

При жизни поэта под его именем состоялась единственная публикация стихов («30 дней», 1934, № 10). Известно, что ряд стихотворений был опубликован Н. Олейниковым анонимно в детских журналах. Однако с полной достоверностью его авторство устанавливается лишь для четверостишия, которое помещено в этой книге под номером 12.

После смерти Н. Олейникова его стихи печатались в ленинградском «Дне поэзии» (публикации И. Бахтерева и А. Разумовского — 1964 г., А. Олейникова — 1966 г., А. Александрова — 1988 г.), в журналах «Вопросы литературы» (публикации А. Дымшица — 1969 г., А. Олейникова — 1970 г., В. Глоцера — 1987 г.), «Аврора» (публикации Е. Биневича — 1973 г., А. Олейникова — 1988 г.), «Нева» (публикации А. Александрова — 1981 г., А. Олейникова — 1987 г.), «Огонек» (публикации Е. Евтушенко — 1987, 1988 гг.), «Юность» (публикация В. Глоцера — 1988 г.), в газетах «Московский комсомолец» (публикация С. Ереминой — 1967 г.), «Литературная газета» (публикации А. Дымшица — 1968 г., Э. Иодковского — 1977 г., В. Глоцера — 1989 г.), «Советская молодежь» (публикация М. Красильникова —

1971 г.), «Вечерний Донецк» (публикация В. Замкового — 1983 г.), «Книжное обозрение» (публикация В. Глоцера — 1988 г.) и в некоторых других периодических изданиях.

Несколько стихотворений Н. Олейникова приведено в книге «Мы знали Евгения Шварца» (Л.—М., 1966) и в альманахе К. Чуковского «Чукоккала» (М., 1979), а также в воспоминаниях И. Рахтанова (Рассказы по памяти. М.; 1966).

Отдельными изданиями стихи Н. Олейникова выходили трижды посмертно.

Первый сборник его стихов (Н. М. Олейников. Стихотворения. K-Slavica, Studien und Texte, № 5, Bremen, «K-Presse», 1975) представляет собою ротапринтное издание, содержащее 59 стихотворений, объединенных в пять разделов. Первые четыре раздела составлены по неизвестным спискам, имеющим, скорее всего, самиздатовское происхождение (множество таких списков ходило по стране в 60 — 70-е годы). Пятый раздел, включающий цикл «В картинной галерее», является перепечаткой из «Вопросов литературы» (1970, № 7, с. 238—241). Сборник предваряется статьей Л. Флейшмана «Маргиналии к истории русского авангарда (Олейников, обериуты)», в которой высказан ряд интересных суждений о творчестве Н. Олейникова и представителей группы «Обериу». В дальнейшем, при ссылках, этот сборник будет обозначаться — «Стихотворения».

Вторая книга (Николай Олейников. Иронические стихи. Нью-Йорк, 1982, «Серебряный век») по своей структуре повторяет бременское издание. Стихотворения размещены в ней в том же порядке. При этом в первый раздел включены дополнительно «Детские стихи», в конце второго раздела помещены ранее не публиковавшиеся — «Лиде (семейству Жуковых)», «Лиде (надпись на книге)», «Верочке» и «Нежный лобик в преизбытке...», а четвертый раздел завершается стихами, озаглавленными издателями «К „Женитьбе" Гоголя» и «Пародия на „Муху-Цокотуху"». Как и в предыдущем сборнике, в книге обнаруживаются примеры весьма вольного

обращения с авторским текстом. Стихам предпослано предисловие Л. В. Лосева «Ухмылка Олейникова». Ему же, по-видимому, принадлежат примечания, озаглавленные «Адресаты некоторых стихотворений Олейникова». К сожалению, биографические сведения о поэте и сопутствующие им разъяснения автора предисловия содержат ряд неточностей. Данная книга обозначается в дальнейшем — «Иронические стихи».

Третий сборник, включающий 41 стихотворение, вышел в Советском Союзе (Николай Олейников. Перемена фамилии. Библиотека Крокодила, № 14 (1050). М., Изд-во ЦК КПСС «Правда», 1988). Его подготовил В. Глоцер при содействии составителя настоящего издания. В текстологическом отношении этот сборник вполне корректен. Однако по причине своего массового профиля он не содержит справочного аппарата. Сборник завершается послесловием А. Пьянова «Веселые стихи Свирепого Макара». Эта книга обозначается далее — «Перемена фамилии».

При составлении настоящего издания в качестве источников текста были использованы следующие материалы:

1. Собрание автографов Н. М. Олейникова, хранящееся в отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде.

Это собрание (Р. I, оп. 21, № 150) включает переписанные автором набело тексты следующих стихотворений: «Послание, бичующее ношение длинных платьев и юбок», «Шуре Любарской», «Генриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку Любарскую», «Чревоугодие», «Смерть героя», «Неблагодарный пайщик», «Фруктовое питание», «Послание Ольге Михайловне», «Послание (на заболевание раком желудка)», «Красавице, не желающей отказаться от употребления черкасского мяса», «Служение Науке», «Басни (1. „Несходство характеров"; 2. „Дружба как результат вымогательства")», «Чарльз Дарвин», «Затруднение ученого», «Бублик», «Озарение» и машинописный текст с авторской правкой — «Заведующей столом справок».

Большинство стихотворений — с авторскими датами. Наиболее поздняя дата — 1933 г. («Чарльз Дарвин»). Это позволяет предположить, что данный авторский список, именуемый далее «Автографы ПД», изготовлен не ранее 1933 г. и, по-видимому, не позднее начала 1934 г.

2. Хранящиеся в Пушкинском Доме машинописные копии (Р. I, оп. 21, № 151), объединенные под заглавием «Олейников Николай Макарович, Стихотворения. Авторизованная машинопись».

В папке под этим названием содержится 25 листов машинописного текста (обычно заполненных с обеих сторон), которые отчетливо разделяются на три разнородные группы.

Листы 1—6, на которых помешены стихотворения «Любовь», «Карась», «Лизе» и «Быль, случившаяся с автором в ЦЧО», содержат авторскую правку. Этот список обозначается в дальнейшем — «авторизованная машинопись — ПД».

Листы 7—15 напечатаны на бумаге меньшего формата и авторской правки не содержат. Здесь помещены стихи: «Муха», «Машинистке на приобретение пелеринки», «Хвала изобретателям», «Чревоугодие», «Супруге начальника», «Деве», «Любочке Брозелио», «Басни (1. „Несходство характеров"; 2. „Дружба как результат вымогательства") », «Служение Науке», «Затруднение ученого», «Лиде», «На день рождения Т. Г. Г.», «Тамаре Григорьевне», «Шурочке (на приобретение новых туфель)», «Послание, одобряющее стрижку волос». Последнее из названных стихотворений, напечатанное на листе 14, обрывается на второй строфе. На следующем листе помещено стихотворение «Таракан», которое также обрывается — на словах «и попятились назад». Таким образом, часть листов этого списка явно утрачена. Данный список, содержащий ряд произведений, написанных в 1934 г., обозначается далее как «машинопись 1 — ПД».

Листы 16—25 («Карась», «Любовь», «Генриетте Давыдовне», «Заведующей столом справок», «На день рождения Груни», «Шварц», «Татьяне Николаевне Глебовой», «Послание (на заболевание раком желудка)», «Быль, случившаяся

с автором в ЦЧО», «Наташе Шварц», «Елизавете Исаевне Долухановой», «Послание», «Шуре Любарской», «Генриху Левину по случаю влюбления его в Шурочку Любарскую»), напечатанные на бумаге крупного формата, также не имеют следов авторской правки. Ссылка на эти тексты обозначается в дальнейшем как «машинопись 2 — ПД». Все стихи, помещенные здесь, написаны в пределах 1926—1932 гг.

3. Собрание текстов, принадлежащее составителю.

В 1937 г. вдовой поэта — Л. А. Олейниковой были вывезены из Ленинграда несколько тетрадей со стихами, записанными рукой автора. В Стерлитамаке, куда была выслана Л. А. Олейникова, ею были изготовлены списки с этих автографов, которые передавались на хранение различным лицам. Сами автографы были изъяты при санкциях, которым подвергалась их хранительница «за нарушение режима». По одному из уцелевших списков была в очередной раз изготовлена копия. И это оказалось весьма полезным, поскольку первоначально сделанные копии также не удалось сохранить. Тексты, входящие в это собрание, обозначаются далее как «список ЛО».

Список ЛО включает следующие стихотворения: «Хвала изобретателям», «Служение Науке», «Чарльз Дарвин», «Затруднение ученого», «Наука и техника», «Неблагодарный пайщик», «Карась», «Посвящение», «Машинистке на приобретение пелеринки», «Муре Шварц («Ах, Мура дорогая...»)», «Муре Шварц («Ты не можешь считаться моим идеалом...»)», «Муре Шварц («Я — мерзавец, негодяй...»)», «Любовь», «Генриетте Давыдовне», «На день рождения Груни», «Наташе», «Заведующей столом справок», «Солнце скрылось за горой...», «Лидии», «Классификация жен», «Деве», «Половых излишеств бремя...», «Вале Шварц», «Любочке Брозелио», «Однажды красавица Вера...», «Красавице, не желающей отказаться от употребления черкасского мяса», «Начальнику отдела», «Короткое объяснение в любви», «Послание артистке одного из театров», «Послание, одобряющее стрижку волос», «Послание, бичующее ношение длинных

юбок», «Послание, бичующее ношение одежды», «Быль, случившаяся с автором в ЦЧО», «Генриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку», «На выздоровление Генриха», «Чревоугодие (баллада)», «Послание», «Шурочке Любарской», «Шурочке», «Послание (на заболевание раком желудка)», «Прощание», «Лиде», «На день рождения Т. Г. Г.», «Тамаре Григорьевне», «Татьяне Николаевне Глебовой», «Супруге начальника», «О нулях», «Перемена фамилии», «Муха», «Таракан», «Из жизни насекомых», «Смерть героя», «Кузнечик, мой верный товарищ...», «Вот как начнешь подумывать...» (первая строфа), «Маршаку позвонивши, я однажды устал...», «Басни (1. „Несходство характеров", 2. „Дружба как результат вымогательства")», «Жук-антисемит», «В картинной галерее». «Вулкан и Венера», «Пучина страстей», «Графин с ледяною водою...», «Птичка безрассудная...», «Неуловимы, глухи, неприметны...» и написанное на отдельном листе «На имянины хирурга Грекова».

Кроме того, были изготовлены копии текстов с нескольких страниц черновиков, объединенных в настоящем издании под общим названием «Фрагменты», а также воспроизведенных по памяти «И вот с тобой мы, Генриетта, вновь...» и «Утром съев конфету «Еж»...»

По списку ЛО явно прослеживается стремление автора сгруппировать стихотворения по темам, придать заглавиям стихов определенную инвариантность; снимаются многие посвящения, опускаются датировки стихотворений, в ряде мест даются авторские примечания. Список включает стихотворения, написанные в период с 1926 по 1937 г.

4. Факсимиле автографов Н. М. Олейникова, воспроизведенные в альманахе К. И. Чуковского «Чукоккала» (М., 1979): «Детские стихи», «К. И. Чуковскому от автора», «Перечень расходов на одного делегата».

5. Четыре стихотворения, опубликованные, к сожалению, без обозначения источников текста, в книге «Иронические стихи»: «Лиде (надпись на книге)», «Лиде (семейству Жуковых)», «Верочке» и «Нежный лобик в преизбытке...».

6. Два стихотворения, приведенные в книге «Мы знали Евгения Шварца» (Л.—М., 1966): «От Нью-Йорка и до Клина...», «Вот как начнешь подумывать...».

7. Тексты, любезно предоставленные составителю в различные годы Г. П. Гроденским, В. П. Замковым, С. С. Шишманом и другими собирателями: «Жили в квартире...», «В твоих глазах мелькал огонь...», «Правила хорошего тона для гостей Рины Зеленой», «Целование шлет Николай Олейников...», «Алисе», «Залетела в наши тихие леса...», «Улица Чайковского». В дальнейшем обозначается как «собрание АО».

Кроме вышеперечисленных материалов известны хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) автографы стихотворений Н. Олейникова «Генриху Левину по поводу влюбления его в Шурочку» (ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 608) и «Шварц» (ф. 2215, оп. 1, ед. хр. 1). Следует также отметить находящуюся в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рукопись «Н. Олейников. Теория чисел. Таблицы» (ф. 1232, № 417), свидетельствующую о математических занятиях поэта.

В первый раздел нашего издания включены стихотворения, полный текст которых имеется в списке ЛО, а также отсутствующие в этом списке, но тематически к нему примыкающие произведения, автографы которых имеются в ПД («Озарение», «Бублик», «Фруктовое питание»). Эти стихотворения печатаются по автографам ПД, авторизованной машинописи — ПД и списку ЛО.

Поэмы, составляющие второй раздел, печатаются по списку ЛО.

В третий раздел отнесены стихотворения, известные по факсимильным воспроизведениям К И. Чуковского, неполным текстам списка ЛО, а также по другим указанным выше источникам. В этот же раздел включены произведения, написанные Н. Олейниковым в соавторстве (они отмечены знаком *).

Внутри разделов произведения располагаются в хронологической последовательности.

Известно, что некоторые стихотворения могли существовать в нескольких вариантах и переадресовывались автором разным лицам с обозначением различных дат. Точная датировка этих стихов Н. Олейникова не всегда осуществима. Такого рода даты заключаются в угловые скобки, указывающие, что произведение написано не позднее обозначенного года, или сопровождаются знаком вопроса. Точные даты воспроизводятся как по авторским материалам, так и по косвенным источникам без изложения в каждом конкретном случае обоснования той или иной даты.

В примечаниях последовательно приводятся: источник, по которому воспроизводится текст в настоящем издании, с обозначением даты, если она указана в источнике; первая публикация в отечественных, а для произведений, в нашей стране ранее не публиковавшихся, — в зарубежных изданиях.

Если текст первой публикации не совпадает с текстом настоящего издания, то наличие разночтений отмечается.

Наиболее существенные разночтения отмечаются и по другим источникам, указанным выше. Разночтения с широко распространенными самодеятельными неавторитетными списками не учитываются. В необходимых случаях даются краткие пояснения к тексту.

Пунктуация текстов дана в соответствии с современными нормами. Авторские примечания в тексте специально не оговариваются.

I

1. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 238—239 (публикация А. Дымшица). По-видимому, было вручено Е. Л. Шварцу в день его тридцатилетия (21 октября 1926 г.). В машинописи 2 — ПД с датой: «1929». В некоторых списках и в кн. «Иронические стихи» (с. 22) под загл.: «Швар-

цу». Шварц Евгений Львович (1896—1958) — писатель и драматург, в 1926 г. работал вместе с Н. Олейниковым над созданием альманаха «Советские ребята».

2. Список ЛО. Печ. впервые. *Юг* — родина поэта. С 1925 г. Н. Олейников жил и работал в Ленинграде. Стихотворение, вероятно, связано с событиями, происходившими на Дону в начале 20-х гг.

3. Список ЛО. «Нева», 1987, № 10, с. 204 — впервые полностью (публикация А. Олейникова). В автографе первых строф, воспроизведенном К. Чуковским («Чукоккала», с. 384), с вариантом ст. 2: «Бедный мой карась». В авт. машинописи — ПД — без строфы 6, с вариантами ст. 2: «Маленький карась», ст. 6: «Дорогой карась», ст. 20: «И ваш рыбий глаз», ст. 49: «А ведь жизнь прекрасной», ст. 51: «Вы считались страстным», ст. 63: «Свою любу „корюшкой"». В машинописи 2 — ПД — полный текст с датой: «1927» и вариантами ст. 2, 20, 49, 51 и 63, совпадающими с авт. машинописью — ПД. В списках известен вариант ст. 2: «Жареный карась» («Иронические стихи», с. 97). *Болдырева* Н. С. (род. в 1906) — редактор детского отдела Госиздата в Ленинграде. Известны посвященные ей стихи Н. Заболоцкого:

Наташа, милая Наталья,
Скажу ли просто: Натали?
У ваших ног стоит каналья
С глазами, полными любви.

4. Авт. машинопись — ПД, с датой: «1927» и зачеркнутым посвящением. «Крокодил», 1988, № 26, с. 10 (публикация В. Глоцера). В списке ЛО вариант ст. 11: «И ваши юбки» и авт. примеч. к ст. 16: «Когда страсть, то не до рифмы». В машинописи 2 — ПД — с посвящением: «П. И. Соколову» и датой: «1928». Соколов Петр Иванович (1892—1938) — ху-

дожник, друг Н. Олейникова, иллюстрировал журналы «Еж» и «Чиж». В 1937 г. репрессирован.

5. Список ЛО, с подписью: «Балетоман Макар Свирепый». «Стихотворения», с. 58, с неверно указанным адресатом: «Шуре Шварц». *Мура* — Маргарита Исааковна Шварц (род. в 1912 г.), сестра заслуженного артиста РСФСР А. И. Шварца. В 1927 г. училась в школе. Родители настаивали, чтобы она посвятила себя балету. *Макар Свирепый* — см. примеч. к № 12.

6. Список ЛО. «Стихотворения», с. 59, с неверно указанным адресатом: «Шуре Шварц». *Ты, танцуя, меня погубила* — в юности М. И. Шварц занималась в театральной студии, затем преподавала хореографию.

7. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 238 (публикация А. Дымшица).

8. Список ЛО. «Лит. газета», 1968, 17 июля (публикация А. Дымшица). «Иронические стихи», с. 35 — с вариантом ст. 4: «Я воспылал». По свидетельству Л. А. Олейниковой, в первоначальном варианте стихотворение имело продолжение, впоследствии снятое автором:

Скажете ль прямо —
Да или нет?
Милая дама
Томно в ответ:

— Я не весталка,
Мой дорогой.
Разве мне жалко?
Боже ты мой!

9. Список ЛО. «Книжное обозрение», 1988, 15 апреля — впервые полностью (публикация В. Глоцера). «Иронические стихи», с. 53 — с вариантами ст. 14: «Ему только бы женщин губить...» и ст. 15: «А слуга ваш покорный — добряк и красавец». *Генриетта Давыдовна* Левитина (1903—1961) — секретарь редакции журналов «Еж» и «Чиж». В 1937 г. была репрессирована. С 1956 г. работала редактором Ленинградского отделения Детгиза. *Индей* — биографический штрих. Некий инспектор записывал со слов Е. Л. Шварца его анкетные данные. На вопрос о национальности Шварц ответил: «Иудей». Инспектор записал «индей».

10. Список ЛО. «Стихотворения», с. 54 — с вариантом ст. 10: «И дремлешь в нем, Ты думаешь о Нем». *Груня* — Г. Д. Левитина (см. примеч. к № 9). *Ты из Полтавы к нам явилась* — Г. Левитина приехала в Ленинград из Полтавской губернии.

11. Список ЛО. «Крокодил», 1988, № 26, с. 10 (публикация В. Глоцера), с опечатками. Л. *Брозелио* — приятельница Г. Левитиной (см. примеч. к № 9).

12. «Еж», 1928, № 11, с. 8. Ст-ние неоднократно перепечатывалось в рекламах журнала. Псевдоним «Макар Свирепый» был использован Н. Олейниковым еще в бахмутский период литературной деятельности (см. вступ. ст., с. 31). С 1926 г. Макар предстает в образе всадника — изобретателя, путешественника и «единственного писателя, который сочиняет свои произведения, сидя верхом на лошади» («Еж», 1928, № 10, с. 36). Под псевдонимом «Макар Свирепый» был опубликован ряд рассказов и изданы книги Н. Олейникова «Кто хитрее?» (М., изд-во «Крестьянская газета», 1927), «Хитрые мастеровые» (М.—Л., 1929), «Блошиный учитель» (Л., 1930).

13. Список ЛО. «Лит. газета», 1968, 17 июля (публикация А. Дымшица). По свидетельству Л. А. Олейниковой, было

посвящено Евгении Берж, машинистке Государственного издательства. *Ремингтон* — марка пишущей машинки.

14. Список ЛО. Печ. впервые. *Наташа* — Н. С. Болдырева (см. примеч. к № 4).

15. Автограф — ПД, с датой: «1930». В кн.: Проблемы и портреты. М., 1972, с. 294. В списке ЛО — без заглавия, с вариантом ст. 3: «Но почему с тобою мы не птицы?». В машинописи 2 — ПД — с загл. «Ей же» (в группе стихов, адресованных Г. Левитиной).

16. Список ЛО. Печ. впервые.

17. Список ЛО. «Стихотворения», с. 29 — с вариантом ст. 2: «Для удовлетворения плотского пыла».

18. Список ЛО. «Книжное обозрение», 1988, 15 апреля (публикация З. Глоцера). В основе стихотворения лежит реальный эпизод с книгой В. Ф. Оствальда «Философия природы». *Мура* — см. примеч. к № 5. *Оствальд* Вильгельм Фридрих (1853—1932) — физико-химик и философ, лауреат Нобелевской премии в области химии (1905 г.). Энергетическая теория Оствальда осуждалась официозом как идеалистическая.

19. Список ЛО. «Крокодил», 1988, № 26, с. 10 (публикация В. Глоцера). *Валя* — Валентина Исааковна Шварц (род. в 1911), сестра заслуженного артиста РСФСР А. И. Шварца.

20. Список ЛО. Проблемы и портреты, с. 295. Ст-ние было помещено в альбом народной артистки СССР Рины (Ирины Васильевны) Зеленой (род. в 1902 г.).

21. Список ЛО. «Детская литература», 1988, № 1, с. 35 (публикация А. Александрова).

22. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 271—272 (публикация В. Глоцера), без загл. В машинописи 2 — ПД — без разбивки на строфы, с вариантом ст. 16: «Потому что обаяния от тебя дымок идет» и датой: «1931». *Глебова* Татьяна Николаевна (1900—1985) — художник, иллюстратор детской литературы, ученица и сестра П. Н. Филонова; ряд работ выполнен ею совместно с А. И. Порет (см. примеч. к № 86).

23. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 236 (публикация А. Дымшица).

24. Список ЛО. «Иронические стихи», с. 41 — без строфы 2-й, с вариантами ст. 4: «Милое создание», ст. 23 и 25: «Что-то оборвалося», «В ухе отозвалося», ст. 41: «Капли милосердия!». *Лидия* — Л. К. Чуковская, в 30-е гг. сотрудник детского отдела Госиздата в Ленинграде. *На окне горячем* — имеется в виду подоконник в Доме книги, под которым проходило паровое отопление.

25. Машинопись 1 — ПД. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 270 (публикация В. Глоцера). Список ЛО — с вариантом подзагол.: «На приобретение новых туфель». *Шурочка* — Александра Иосифовна Любарская (род. в 1908 г.) — литератор, в 1930—1937 гг. работала редактором детского отдела Госиздата в Ленинграде. В 1937 г. была арестована. После освобождения — редактор детского радиовещания (1939—1942). В ее обработке и пересказах опубликованы произведения фольклора многих народов.

26. Список ЛО. «Тридцать дней», 1934, № 10, с. 80.

27. Автограф — ПД, с датой: «1932», здесь ст. 41: «Ударничеством и соревнованьем» зачеркнут и заменен ст.: «Я вырабатываю миросозерцанье». «Тридцать дней», 1934, № 10,

с. 79, с подзагол.: «Из цикла „Памяти Кузьмы Пруткова")», без ст. 34—41, с вариантом ст. 42: «Еще зовут меня на новые великие дела» и опечаткой в ст. 49: «Мне тяжело». «Аврора», 1988, № 10, с. 74—75 — впервые полностью (публикация А. Олейникова). В списке ЛО и машинописи 1 — ПД — с вариантом ст. 40: «А я горю другим огнем, иным желаньем».

28. Автограф — ПД, с датой: «1932». «Нева», 1981, № 10, с. 209 (публикация А. Александрова).

29. Автограф — ПД, с датой: «1932». «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 272 (публикация В. Глоцера).

30. Список ЛО. «Лит. газета», 1968, 17 июля (публикация А. Дымшица), без разделения на строфы.

31. Автограф — ПД. «Аврора», 1989, № 6, с. 123 (публикация Л. Друскиной).

32. Автограф — ПД, с датой: «1932». «День поэзии», Л., 1964, с. 156 (публикация И. Бехтерева и А. Разумовского), с вариантом ст. 2: «Он стал домогаться селедки с крупой».

33—34. Автограф — ПД, с датой: «1932». «День поэзии», Л., 1964, с. 155—156 (публикация И. Бахтерева и А. Разумовского), без загл.: «Басни»; 1 — с пропуском ст. 4; 2 — под загл.: «Дружба как следствие вымогательства».

35. Автограф — ПД. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 269 (публикация В. Глоцера), без разделения на строфы. В 1932 г. вышло правительственное постановление «О развитии кролиководства в промышленных районах», которым предписывалось разводить кроликов при всех предприятиях, организациях, жилищных конторах и школах (установка

Наркомпроса: по 1 гнезду кроликов на 20 учащихся). Появился лозунг: «В бой за кролика!» Повсеместно превозносились преимущества крольчатины перед мясом рогатого скота; в народе окрестили кроликов «сталинскими быками». *Черкасское мясо* — высокосортная говядина.

36. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 237—238 (публикация А. Дымшица).

37. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 237 (публикация А. Дымшица), с вариантами ст. 21 : «Пусть его ножи стальные» и ст. 26: «Где же чудный птичий хвост». В машинописи 1 — ПД под загл.: «Наташе Шварц (послание, одобряющее стрижку волос)». Под тем же загл. в кн.: «Иронические стихи», с. 47, где текст совпадает со списком ЛО, но примечание помещено в самом тексте ст-ния после ст. 20. *Наташа* — Наталья Борисовна Шварц (род. в 1904 г.) (Шанько), жена заслуженного артиста РСФСР Антона Шварца, двоюродного брата Е. Л. Шварца.

38. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1970, № 7, с. 237 (публикация А. Олейникова) — с вариантом ст. 17: «Доверься, змея, техноруку». В авт. машинописи — ПД — под загл.: «Лизе», с датой: «1932» и вариантами ст. 11: «Доверься, змея, техноруку», ст. 16: «А стройностью торсов близки мы к орлам» и ст. 23: «Отбросивши брюки, часы и рубашку». В машинописи 2 — ПД — под загл.: «Елизавете Исаевне Долухановой. Послание, бичующее ношение одежды», со ст. 11: «Доверься, змея, политруку», совпадающим со списком ЛО и вариантами ст. 16 и 23, совпадающими с авт. машинописью — ПД. Изложенное позволяет предположить, что в списке ЛО представлена наиболее поздняя авторская редакция этого ст-ния. Долуханова Елизавета Исаевна (Веточка) — жена художника В. В. Дмитриева (1900—1948). Арестована в 1937 г. Погибла в заключении.

39. Авт. машинопись — ПД, с зачеркнутым посвящением. В кн.: «Перемена фамилии», с. 30 (публикация В. Глоцера) — под загл.: «Быль, случившаяся с автором в Ц. Ч. области», с посвящением: «Генриху Левину» и вариантом ст. 21: «В нем тихо вянет косточка-блоха» — в соответствии со списком ЛО и совпадающим с ним текстом машинописи 2 — ПД. В последнем — дата: «1932». Левин Генрих Зиновьевич (1903—1971) — художник-график, художественный редактор журналов «Еж» и «Чиж»; в послевоенные годы преподавал в Академии художеств. *ЦЧО* — Центральная Черноземная область.

40. Автограф — ПД, с датой: «1932». «Юность», 1988, № 1, с. 58 (публикация В. Глоцера и А. Олейникова) — под загл.: «Влюбленному в Шурочку (Надклассовое послание)» (по списку ЛО). В машинописи 2 — ПД — под загл.: «Генриху Левину по случаю влюбления его в Шурочку», с вариантом ст. 4: «В сердце вроде как бы муть». По спискам известен вариант загл.: «Надклассовая поэма. Генриху, влюбленному в Шурочку» и вариант ст. 20: «Словно запертые в клетке». *Шурочка* — А. И. Любарская (см. примеч. к № 25).

41. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 272 (публикация В. Глоцера). *Генрих* — Г. З. Левин (см. примеч. к № 39). *Бонвиван* (bon vivant, *франц.*) — прожигатель жизни.

42. Автограф — ПД. «Лит. газета», 1970, 11 ноября (без указания публикатора) — под загл.: «Ольге Михайловне», с иной строфикой и вариантами ст. 6: «Я быстро чахну, сам не свой», ст. 11: «Я вижу, как глаза твои над книгою нависли», ст. 14: «Под волосами двигаясь, они кишмя кишат», ст. 16: «В нем чижик воду пьет, забывши стыд». «Аврора», 1988, № 10, с. 74 (публикация А. Олейникова по списку ЛО) — без загл., с посвящением: «Ольге Михайловне» и вариантами ст. 6: «Я быстро чахну, сам не свой», ст. 8: «Ты ж отрица-

тельно качаешь головой». В машинописи 2 — ПД — под загл.: «Ольге Михайловне», с вариантом ст. 14: «Под волосами двигаясь, они кишмя кишат». *Ольга Михайловна* Фрейденберг (1890—1958) — известный филолог-классицист, кузина Б. Л. Пастернака. В 1932 г. возглавила кафедру классической филологии ЛИФЛИ (Ленинградский институт философии, литературы, истории).

43. Автограф — ПД, с датой: «7.VI.1932». «Вопросы литературы», 1970, № 7, с. 237 (публикация А. Олейникова) — под загл.: «Послание, бичующее ношение длинных юбок», без посвящения (по списку ЛО). В машинописи 2 — ПД — под загл.: «Наташе Шварц. Послание, бичующее ношение длинных юбок» и с датой: «1932». *Наташа Шварц* — см. примеч. к № 37.

44. Список ЛО. Автограф — ПД, с датой: «21.VI.1932» (свидетельствующей, что текст был вручен А. И. Любарской в день ее рождения) — под загл.: «Шуре Любарской», с вариантами ст. 7: «Твои ногти-шалунишки», ст. 41: «Видишь, как природа внемлет» и ст. 45: «Птица с красными глазами». «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 270 (публикация В. Глоцера) — под загл.: «Ей же» (в цикле ст-ний, посвященных Шурочке). В списках известен вариант ст. 7: «Твои пальцы-шалунишки», со строчным «Я» в ст. 49. А. И. *Любарская* — см. примеч. к № 25. *Муха с красными глазами* — дрозофила, излюбленный объект генетических экспериментов. Я — Эго (сущность индивида); признание этой категории оплотом человечества в эпоху всеобщей коллективизации было вызывающей крамолой.

45. Автограф — ПД. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 271 (публикация В. Глоцера) — под загл.: «Павле Федоровне (написано по случаю заболевания автора раком желудка)» и вариантом ст. 9: «Но мышцы свои мне красотка, увы, не дает» (по списку ЛО). В машинописи 2 — ПД загл.

совпадает со списком ЛО, ст. 9 — с автографом ПД. *Клёсе* — адресата ст-ния установить не удалось.

46. Автограф — ПД, с датой: «1932». «Лит. газета», 1989, 25 января (публикация В. Глоцера по автографу, предоставленному Т. А. Липавской) — с посвящением: «Тамаре», без ст. 19—20, с вариантом ст. 21: «Многим дамочкам неясно» и датой: «8 сентября 1932 г.». Тамара — Тамара Александровна Липавская (Мейер, 1903—1982) — литератор, жена писателя Л. Савельева (Липавский Леонид Савельевич, 1904—1941).

47. Автограф — ПД, с датой: «окт., 1932». В ст. 17, по-видимому, описка: «Кормите, поите», исправленная в последующих списках. «Нева», 1981, № 10, с. 209—210 (публикация А. Александрова).

48. Список ЛО. «Иронические стихи», с. 39 — с вариантом ст. 18: «Страшное произойдет сосудов поражение». «Нева», 1987, № 10, с. 205 (публикация А. Олейникова). В машинописи 1 — ПД — с вариантами окончаний в ст. 3: «Для сравнения...», ст. 5: «...Ваши сочленения», ст. 6: «...предназначения», ст. 12: «...для усвоения», ст. 17: «И боюся...». По свидетельству Л. А. Олейниковой, первоначально было адресовано Лидии Корнеевне Чуковской.

49. Список ЛО. «Лит. Россия», (1983, 2 декабря, публикация Н. Богословского, по памяти), с датой: «июнь, 1933» и разночт. «Перемена фамилии», с. 19 (публикация В. Глоцера по списку ЛО). Народный артист СССР Н. В. Богословский сопроводил публикацию этого ст-ния следующим мемуаром: «Как-то раз, в 1933 году, мы поздним летним вечером возвращались от Д. Хармса. Была теплая белая ночь, спать не хотелось, и я пригласил Олейникова зайти ко мне. И с этим удивительным собеседником мы проговорили до утра (думаю,

что эта беседа для меня была значительно интересней, чем для него). На прощание Николай Макарович подарил мне тут же, экспромтом написанное шуточное стихотворение. Я бережно его хранил много лет, но при моем переезде в Москву перед войной часть моего архива осталась в Ленинграде и пропала в блокадные годы. Однако эти стихи я помню до сих пор». *Расстанная* — улица во Фрунзенском районе Ленинграда. *Мошков переулок* (ныне Запорожский переулок) — соединяет Дворцовую набережную с набережной реки Мойки (Дзержинский район). От Расстанной до Мошкова — около семи километров.

50. Автограф — ПД, с датой: «1933». «День поэзии», Л., 1988, с. 234 (публикация А. Александрова). В списке ЛО — с вариантом строфы 1-й:

Чарльз Дарвин, великий ученый,
Однажды синичку поймал.
Ее красотой потрясенный,
Он долго ее наблюдал —

и вариантами ст. 7: «В движениях нечто мышиное», ст. 9: «Однако, синичка мила», ст. 15: «Зачем безобразные щеки вручила», ст. 19: «Был Дарвин великий ученый». «Лит. газета», 1968, 17 июля (публикация А. Дымшица) — без разделения на строфы, текст совпадает со списком ЛО, за исключением ст. 15: «Зачем безобразные щеки всучила».

51. Автограф — ПД, с датой: «1933». «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 239 (публикация А. Дымшица) — с вариантом ст. 11: «От страшной жары изнывает паук» (совпадает со списком ЛО) и опечаткой в ст. 14: «в клюве».

52. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 270—271 (публикация В. Глоцера). *Т. Г. Г.* — Тамара Григорьевна Габбе (1903—1960), редактор, критик, автор

книг для детей; друг и соратник С. Я. Маршака. В 1937 г. была арестована. После освобождения продолжала работать в детской литературе.

53. Список ЛО. Проблемы и портреты. М., 1972, с. 295 (публикация А. Дымшица). *Тамара Григорьевна* Габбе — см. предыдущее примеч.

54. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1987, № 1, с. 271 (публикация В. Глоцера). В машинописи 1 — ПД — с вариантами ст. 6: «Без труда я подмечаю» и ст. 12: «Он вложил в одно из лучших своих произведений». Первоначальный вариант ст-ния был связан с рождением дочери Г. З. Левина (см. примеч. к № 32) и начинался словами:

На хорошенький букетик
Майя Левина похожа...

Начальник — Г. Левин в это время занимал в журналах «Еж» и «Чиж» должность заведующего художественной частью.

55. Список ЛО. «День поэзии», Л., 1966, с. 128—129 (публикация А. Олейникова). «Перемена фамилии», с. 5—7 (публикация В. Глоцера) — с вариантами ст. 6: «Но больше им быть не хочу» и ст. 49: «И вышел оттуда шатаясь». В списках известно с подзагол.: «баллада». Катализатором темы ст-ния явилось обнаруженное женой автора Л. А. Олейниковой объявление в газете о том, что «Иван Петрович Гнида меняет имя на Владимир». *С последним коротким сигналом* — московская радиостанция имени Коминтерна несколько раз в сутки давала в эфир сигналы поверки времени — два длинных и один короткий.

56. «30 дней», 1934, № 10, с. 80. Список ЛО — с вариантом ст. 19: «в коленях».

57. Список ЛО. «День поэзии», Л., 1966, с. 127—128 (публикация А. Олейникова). В машинописи 1 — ПД — с вариантами ст. 25: «Есть лишь только сочлененья» и ст. 38: «Уподобившись коню». В кн.: «Перемена фамилии», с. 10 (публикация В. Глоцера) — с вариантом ст. 22: «Что души не существует» и ст. 25, совпадающим с машинописью 1 — ПД. Эпиграф — реминисценция на первую строфу басни капитана Лебядкина (Ф. Достоевский. Бесы, ч. 1, гл. 5, IV). Ср. также с «Фантастической высказкой» (И. П. Мятлев. Стихотворения. Сентенции и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969 (Биб-ка поэта, Б. с.), с. 92):

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет;
На стекло,
Тяжело,
Не всползет.
Так и я...

Вивисекция (живосечение) — вскрытие живого существа для изучения внутренних органов в действии. *Его глазки голубые* — С. Полянина отмечает: «Может быть, не случайно глаза у таракана голубые, т. е. цвета, типичного для русских, главных объектов социального эксперимента» (Две заметки о поэзии Олейникова. — Neue Russische Literatur, 1979—1980, № 2—3, S. 229).

58. Список ЛО. «Московский комсомолец», 1967, 14 апреля (публикация С. Ереминой).

59. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1969, № 3, с. 237 (публикация А. Дымшица) — с вариантом ст. 4: «Стоит как выжатый лимон». Проблемы бесконечно малых величин

входили в круг научных математических интересов Н. Олейникова.

60. Список ЛО. «Книжное обозрение», 1988, 15 апреля (публикация В. Глоцера) — с вариантом ст. 8: «С ней не капало мыла, не стекало дождя». *Вождь* — в данном случае С. Я. Маршак. *Лида* — Л. К. Чуковская.

61—67. Список ЛО. Печ. впервые. «Стихотворения» и «Иронические стихи», с. 97—98 — неполный и искаженный текст, источник которого неясен. По свидетельству Я. С. Друскина, на основе «Книжки с картинками» Н. И. Бухарин предполагал издать серию антифашистских плакатов. Один из таких плакатов-карикатур, с текстом 7-й картинки, изображал Жука в образе Гитлера. Место публикации плаката установить не удалось.

68—78. Список ЛО. «Вопросы литературы», 1970, № 7, с. 238—241 (публикация А. Олейникова). *Рубенс* Питер Пауль (1577—1640) — фламандский живописец. *Кейленборх* Абрахам (Абрагам ван) (?1620—1668) — голландский живописец. *Красбек* Ион ван (?1605—1662) — фламандский живописец. *Конинк* Соломон (1609—1656) — голландский живописец. Его картина в Эрмитаже (по Евангелию от Матфея) именуется: «Притча о работниках на винограднике».

79. Список ЛО. Печ. впервые.

80. Список ЛО. Печ. впервые.

81. Список ЛО. Печ. впервые.

II

82. Список ЛО. Печ. впервые.

83. Список ЛО. «Юность», 1988, № 1, с. 60 (публикация В. Глоцера и А. Олейникова) — ст. 16, гл. 2 с опечаткой: «О нашествии». *Мних* — монах (*древнерусск.*).

III

84. «Чукоккала», с. 383 (факсимильное воспроизведение автографа) — с подписью: «Н. Олейников» и с датой: «25/IV—1926 г.». К. И. Чуковский сопровождает это двустишие следующим пояснением: «Когда меня, как детского писателя, порицали за то, что в моих сказках нет актуальной тематики, Олейников пришел мне на помощь, написав две образцовые строки, причем порекомендовал мне писать именно в этом духе».

85. «Вечерний Донецк», 1983, 26 февраля (публикация В. Замкового). Адресовано журналу «Забой», основанному в 1923 г., по случаю его пятилетия.

86. Печ. впервые по списку С. Шишмана. *Алиса* Ивановна Порет (1902—1984) — художник, ученица К. С. Петрова-Водкина и П. Н. Филонова, мастер детской книги, сотрудничала в журналах «Еж» и «Чиж». Д. Хармс посвятил ей такие стихи (Порет А. Воспоминания о Данииле Хармсе. — В кн.: Панорама искусств, 3. М., 1980, с. 359):

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
Она прекрасна, точно фея,
Она коварна пуще змея.

Она хитра, моя Алиса,
Хитрее Рейнеке-Лиса.

87. «Чукоккала», с. 384 (факсимильное воспроизведение автографа). К. И. Чуковский комментирует: «Я, как всякий автор, читающий пародию на свои стихи, нахожу пародию Олейникова на мою «Муху Цокотуху» не слишком удачной. Привожу ее лишь потому, что в Чукоккале она находится в ближайшем соседстве с превосходной эпитафией жареной рыбке» (там же, с. 383). «Иронические стихи», с. 109 — под загл.: «Пародия на „Муху-Цокотуху"», с маловероятной датой: «1934». «Перемена фамилии», с. 34 — под загл.: «Цокотуха» (дано составителем) и посвящением: «К. И. Чуковскому от автора».

88. Собрание АО. Рукопись не сохранилась. Частично восстановлена Г. Д. Левитиной и Л. А. Олейниковой по памяти. *Генриетта* — Г. Левитина (см. примеч. к № 9). *Уж осень на дворе* — ст-ние было впервые прочтено в день рождения Г. Д. Левитиной (26 августа 1929 г.). *Ромуальд* — Р. В. Домбровский, старший сын Г. Левитиной (род. в 1928 г.). Der Wald (*немецк.*) — лес.

89. Собрание АО. И. Рахтанов. Рассказы по памяти. М., 1966, с. 142. И. Рахтанов рассказывает: «Ленинградская фабрика имени Самойловой решила выпустить новый сорт конфет и назвать их в честь журнала «Еж», попросив поэтов редакции написать для обертки какие-нибудь подходящие стишки». Н. Олейников написал. Конфеты с этим названием не появились».

90. Печ. впервые по списку С. Шишмана. Написано совместно с Д. Хармсом и Е. Шварцем. В 1929 г. К. И. Чуковский опубликовал в журнале «Еж» начало стихотворения:

Залетела в наши тихие леса
Полосатая, усатая оса.

Укусила бегемотицу в живот.
Бегемотица...

Окончить стихотворение предлагалось читателям журнала. В потоке детских писем Н. Олейников, Д. Хармс и Е. Шварц прислали К. Чуковскому свой вариант концовки.

91. Собрание АО. И. Рахтанов. Рассказы по памяти. М., 1969, с. 168—169 (воспроизводится по памяти не полностью и неточно). Реакция на ст-ние Д. Хармса и С. Маршака «Веселые чижи», посвященное ими Ленинградскому детскому дому № 6.

92. Собрание АО. «Крокодил», 1989, № 36, с. 13 (публикация В. Глоцера) — под загл.: «Правила хорошего тона для гостей Рины» и вариантом ст. 4: «Не жмите ног ее ногой корявою». В начале 30-х гг. записано в альбом Рины Зеленой, в который надлежало помещать произведения, посвященные владелице альбома.

93. Печ. впервые по списку С. Шишмана. Написано совместно с Е. Шварцем. *Домбровский* Вячеслав Ромуальдович (1895—1937) — ответственный работник НКВД, муж Г. Д. Левитиной (см. примеч. к № 9). Арестован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно. *Малютки* — сыновья В. Р. Домбровского и Г. Д. Левитиной — Ромуальд (см. прим. к № 88) и Вячеслав (род. в 1930 г.). *Вайнштейн* — дипломатический агент Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдел) в Ленинграде.

94. Печ. впервые по списку Г. Гроденского, с датой: «1932». В списке С. Шишмана значится: «Приписываемое Олейникову».

95. Список ЛО. «Детская литература», 1968, № 4, с. 26 (публикация И. Рахтанова) — без загл. (воспроизво-

дится по памяти неточно). «Лит. газета», 1968, 17 июля (публикация А. Дымшица). «Иронические стихи», с. 24 — с вариантами ст. 1: «Я пришел вчера в больницу», ст. 19: «Ты умеешь все поправить» и ст. 21 : «Честь имею Вас поздравить». Написано совместно с Е. Шварцем. *Греков* Иван Иванович (1867—1934) — выдающийся русский хирург.

96. «Иронические стихи», с. 68. *Лида* — Лидия Львовна Жукова (1905—1985), театральный критик.

97. «Иронические стихи», с. 67, где ошибочно указана дата: «1936». *Митя* — Дмитрий Петрович Жуков (1904—1937), известный филолог-японист, заведующий сектором Отдела Востока Гос. Эрмитажа. В 1937 г. был арестован и погиб. Реабилитирован посмертно.

98. «Чукоккала», с. 376 (факсимильное воспроизведение автографа), с подписями: «Н. Олейников. Е. Шварц». Написано совместно с Е. Шварцем во время Первого съезда писателей в Москве (август 1934 г.). В некоторых списках — под загл.: «Бюджет развратника».

99. «Мы знали Евгения Шварца». Л.—М., 1966, с. 223. Полный текст не сохранился. «Перемена фамилии», с. 35 — под загл.: «Киноактрисе» (название дано составителем). Первая строфа приветственной оды, написанной Н. Олейниковым и Е. Шварцем в честь артистки Я. Жеймо, снимавшейся в фильмах, поставленных по их сценариям.

100. «Мы знали Евгения Шварца», с. 218—219. «Перемена фамилии», с. 32 — под загл.: «Ролик к кинофильму „Женитьба"». «Иронические стихи», с. 108 — под загл.: «К «Женитьбе» Гоголя» (названия даны составителями). Написано для рекламного ролика кинофильма «Женитьба» по Н. В. Гоголю, снятого в мастерской «Ленфильма», которой руководил С. Юткевич. Первая строфа (закадровым текстом)

сопровождала появление Подколесина, вторая следовала после его бегства из-под венца.

101. «Иронические стихи», с. 63, с датой: «1937». Типичный образец стихотворения Н. Олейникова со сменным адресатом.

102. «Иронические стихи», с. 70. *Буревой* Михаил — драматург.

103—113. Список ЛО. Печ. впервые. Название «Фрагменты» дано составителем. В данном разделе собраны незавершенные произведения Н. Олейникова 1935—1937 гг.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Удивительные приключения Макара Свирепого

— Вся Африка будет читать «Еж», — сказал Макар, вскочил на коня и во весь опор ринулся на пароход.

На пароходе ему предложили слезть с коня. Макар презрительно усмехнулся и поскакал по палубе: он никогда не покидал седла. Однако им обоим — и коню и Макару — пришлось ехать в стойле. Но через три дня разразилась буря и началось кораблекрушение. Продолжалось оно семь дней. На седьмой день Макар увидел, что с неба целится в пароход молния. Он не стал долго думать, выехал из стойла, подковал коня спасательными кругами и смело прыгнул в океан. Следом за ним в пароход ударила молния толщиною с бревно. Она попала в капитана, отчего пароход не выдержал и опрокинулся.

Макар даже не оглянулся. Он выехал из бури на ровное место, но тут его окружило стадо акул. Самая нахальная забежала вперед и злобно оскалила зубы. Она бросилась было на всадника, но Макар вовремя прострелил лоб наглой рыбе.

Вот желтые берега песчаной Африки. Два пограничных негра вышли встречать пришельца.

— Друзья мои, — начал Макар, — в моем лице...

Но он не договорил. Туземцы, увидев английскую кепку и револьвер, бегом пустились в соседние пески, крича что есть мочи:

— Дорогие товарищи, хватайте оружие, полковник опять возвратился к нам!

Макар пустил коня вслед беглецам, вскрикивая на каждом скаку:

— Еж, Еж, Еж!

С. 67. Обложка книги Н. Олейникова «Танки и санки» (Л., 1928).

На обороте. А. Пахомов. Добровольцы. Иллюстрация к книге Н. Олейникова «Танки и санки» (Л., 1928).

С. 71. Группа писателей. Коллаж. Слева направо: Н. Олейников, Н. Сац, С. Маршак, Е. Шварц, А. Барто, Л. Кассиль.

С. 73. Обложка журнала «Еж».

На обороте. Н. Олейников. Фотография. Начало 1920-х гг.

С. 77. В редакции детских книг Ленгосиздата. Фотография. 1926 г.? Слева направо: Н. М. Олейников, В. В. Лебедев, З. И. Лилина (зам. гл. ред. изд-ва), С. Я. Маршак, Е. Л. Шварц, Б. С. Житков.

С. 80. Н. Олейников. Фотография. 1928 г.

На обороте. Н. Олейников и Д. Хармс на теплоходе «Алексей Рыков». Рисунок Б. Антоновского. 1929 г.

С. 98. Обложка журнала «Забой». 1932 г.

С. 106. Н. Олейников и А. Введенский. Фотография. Начало 1930-х гг.

С. 115. Н. Олейников. Фотография. Первая половина 1930-х гг.

С. 128. Даниил Иванович Хармс и Татьяна Николаевна Глебова. Фотография. Первая половина 1930-х гг.

С. 129. Д. Хармс. Фотография. 1920-е гг.

С. 149. Николай Олейников. Рисунок В. Дражевской.

На обороте. Н. Олейников в группе детских писателей. Фотография. Середина 1930-х гг.

С. 163. Обложка журнала «Сверчок». 1937 г.

С. 173. Фрагмент титульного листа книги Н. Олейникова «Портрет». 1937 г.

С. 180. Черновой автограф второй строфы поэмы «Вулкан и Венера».

С. 185. Черновой автограф «Финала» поэмы «Пучина страстей».

С. 196. Автограф «Детских стихов» Н. Олейникова («Чукоккала». М., 1979).

С. 213. Автограф стихотворения «Перечень расходов на одного делегата» (Чукоккала, 1979), написано в соавторстве с Е. Шварцем.

С. 215. Янина Жеймо. Из фотосерии «Мастера советского искусства».

С. 218. Н. Олейников на встрече с читателями. Фотография. Начало 1930-х гг.

С. 219. Автограф записки. Н. Олейникова К. Чуковскому. 1934 г.

На обороте. Обложка журнала «Чиж». 1934 г.

С. 222. Свидетельство о смерти Н. М. Олейникова. 1956 г.

С. 223—224. Справки о реабилитации Н. М. Олейникова. 1957 г.

С. 226. Обложка сборника стихов Н. Олейникова, изданного в Нью-Йорке. 1982 г.

На обороте. Извещение о выходе сборника Н. Олейникова в перечне книг, выпускаемых изд-вом «Серебряный век». США, 1982 г.

С. 230. Пригласительный билет на вечер памяти Е. Шварца. 1986 г.

На обороте. Пригласительный билет на вечер памяти Н. Олейникова. 1988 г.

С. 233. Н. Олейников. Фотография. Вторая половина 1930-х гг.

Коллажи на форзаце и оборотах шмуцтитулов Л. А. Яценко.

СОДЕРЖАНИЕ

II

III

Олейников Н.

053 Пучина страстей: Стихотворения и поэмы. — Л.: Сов. писатель, 1991. — 272 с.
ISBN 5-265-01284-2

Николай Макарович Олейников (1898—1937) — один из самых оригинальных и ярких представителей русского поэтического авангарда 1920—1930-х годов: тонкий лирик и пародист, поэт-сатирик, философ, своеобразный стилист, с именем которого связано целое художественное направление так называемого «абсурдизма» (Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и др.). Погибший во времена сталинщины, он на десятилетия был исключен из истории литературы. Его произведения не издавались, большая их часть оставалась в рукописях и списках, сохраненных семьей и друзьями поэта.

О $\frac{4702010202-417}{083(02)-91}$ 221—90 **ББК 84 Р.7**

Николай Макарович Олейников

ПУЧИНА СТРАСТЕЙ

Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректоры *О. Э. Карпеева* и *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 7682

Сдано в набор 21.02.90. Подписано к печати 20.11.90. Формат 70 Х 100 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,05. Уч.-изд. л. 8,73. Тираж 50 000 экз. Заказ № 533. Цена 3 р. 80 к.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.